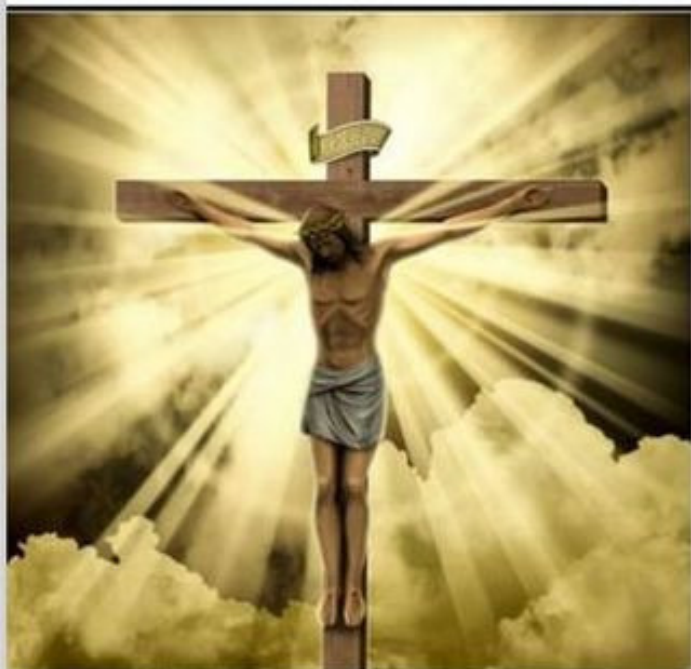

18+ Василий Баранов

Покинутый

Покинуть

Василий Баранов

Покинутый

«Издательские решения»

Баранов В.

Покинутый / В. Баранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982590-2

Слепой старик и бывший заключенный идут на поиски Бога. Верующий и неверующий. Идут изменить свою судьбу. Чудеса их ждут в пути. Раскрытие преступлений. Встреча с дьяволом, Шахеризадой, Багдадским вором и визирем Гаруна ар-Рашида. И знакомство с 1002 сказкой Шахеризады. Спасение Боинга и подводной лодки. Встреча с Богом меняет обоих героев. Заключенный понимает, в Библии заложена вся мораль человечества. Открывается для него новая жизнь. Новая любовь. Он прощает предавших его.

ISBN 978-5-44-982590-2

© Баранов В.
© Издательские решения

Содержание

Я потерялся на Земле	6
Глава 1. Открывая свой путь	7
Глава 2. Да будет воля Твоя	14
Глава 3. Лекарства горек вкус	23
Глава 4. На стезе ее нет смерти	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Покинутый

Василий Баранов

© Василий Баранов, 2020

ISBN 978-5-4498-2590-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Баранов В. Д.
Покинутый.

*Напрасный поиск Бога,
Утраченного мной в душе.
И одиночества дорога.*

Я потерялся на Земле

Глава 1. Открывая свой путь

За спиной Артема со скрежетом и лязгом закрылась металлическая калитка. Оглядываться назад не хотелось. Все то, что было позади, он изо дня в день видел последние три года. Столько он отмотал в этом учреждении, в тюрьме. Там, позади, ворота и высокая стена. Сторожевые вышки. Вертухаи. Он сегодня откинулся. Впереди асфальтовая дорога, что приведет его к станции. Артем прикрыл глаза, вдохнул ноздрями воздух. Правду сказывали, за стеной другой воздух. Сладкий. Дышать, не надышишься. Открыл глаза и сделал первый шаг. Чуть закружилась голова. Артем улыбнулся. Задержался на мгновение и пошел. Чуть нетвердый шаг. Его пьянит свобода. Шире шаг. Одной рукой придерживает лямку рюкзака, другой размахивает в такт шагам. Весна еще вначале, еще не загуляли, а уж душа рвалась из груди. Запах первой листвы пьянил. Темный костюмчик, наброшенная куртка и вещмешок за плечами. Кепка на голове. Тебе двадцать пять лет. Роста ты не маленького. Темные волосы. Глаза отливают зеленью. Нос с небольшой горбинкой. Губы, готовые целовать землю под ногами. Подбородок с ямочкой.

До станции километров пять. Но дорога, как песня. Вот и каменное зданье красного кирпича. Станция. Перрон. Артем вошел, осмотрелся, взглядом ища кассу. За ее окошком скучает кассирша. Буфет. Торгуют пирожками, пивом и водкой.

– Мне бы билет до Перми. Плацкартный. На ближайший. – Облокотился на окошко кассы. Чуть улыбается. Но в глазах преданность бродячего пса. Страх, а вдруг не дадут билет.

– Рано. Вот через пару часов подходи. Поезд проходящий. Я не знаю, какие свободные места.

– Спасибо. – Безвольно падают руки. Чуть наклонил на бок голову. Хоть прогнали не пинком.

Вышел на улицу. Долго был взаперти, а тут грязно и неудобно. Стоят две скамейки. Одна давно инвалид. На второй сидит дед. В плаще. Из-под шапки проглядывает седина. Рядом рюкзак. Такие носят молодые люди. Артем подошел и сел рядом. Дед обернулся к нему. Темные, словно ночь, глаза смотрят в пустоту.

– Ты кто? – Голос у старика молодой.

– Человек. Сегодня с зоны откинулся. Домой еду. Звать Артем. А вы, дедушка? – Бросил свой рюкзак на колени. Поверх сложил руки. Улыбка свободного человека.

– Матвеем зови. – Руки покорно лежат на краю лавки. Чуть сжатые ладони держат край темноты, что примостилась в его глазах.

– Далеко едете? – Вроде, слепой. Как же он доедет? И никого рядом.

– Бога иду искать. Хочу встретиться. – Старик качает головой.

– Зачем искать. В конце пути все к Нему придем. Это только вопрос времени. – Грустно Артему. О смерти думать не хочется. Но некуда деваться. Ни дома, ни работы. Жена ушла к другому: не стала ждать. И в Пермь он едет в силу привычки. Делать там ему нечего.

– А мне сейчас надо поговорить. Там, позже, только ответить перед Господом. Он станет спрашивать и судить. Тогда уже не время.

– Как же вы Его найдете? Может, дорога эта в душе. – Какой странный старик.

Весенний ветерок качается над ними. Холодным блеском отливают рельсы. И одиночества тоска гуляет по перрону.

– Нет. Дорогу ноги найдут. Одинокий Он. Покинутый. Такие пришли времена. Исаия говорит: Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, – повернулись назад. – Незрячий взгляд чуть сверкнул. Так сверкают сполохи в ночи.

– Так ты коротать одиночество с Ним идешь? – Руки ищут отсутствующую пачку сигарет. Он ее оставил приятелям на зоне. Махнул рукой, вспомнив это.

– Поговорить только. После пойду своей дорогой. – Переставил ступни, словно, уже собрался идти своей дорогой.

– Дедушка, вы же незрячий. И сопровождающих рядом нет. Как пойдете? – Заблудится дед. Ушел из дома. Потеряют его.

– Слепой, скажи. И один на белом свете. Меня все покинули. Чую, и тебя покинули. Вот ты меня и проводишь. – В молодом голосе убежденность.

– Прав, и я покинутый. Идти мне некуда и не к кому. Куда ж тебя вести, дед? – Забавно. Встретились два одиночества, и направляются к третьему. Кто бутылку водки соображает на троих, а они одиночество. – И куда мы поедем?

Сам не знал, отчего так быстро согласился. Не от ума, явно.

– А ты, куда собирался ехать? Туда и бери. Но не до конца. Посередке выйдем. Сейчас денег тебе дам. – Старик открыл свой рюкзак. Порылся, достал деньги и протянул мне. — Держи.

– Матвей, а не боишься, сбегу с твоими деньгами? Я ведь бывший заключенный. Мне веры нет. – Почесал ладонь правой руки. Упадут туда деньги, и ищи ветра в поле.

– В тебе веры нет. Бегать ты не станешь. Надо верить людям. И они не станут тебя обманывать. – Чуть махнул рукой. Чему быть, того не миновать.

– Как знаешь, Матвей. – Что за дед ему встретился. Доверился первому встречному. Тюремной голытьбе.

– До какой станции только скажи брат? Мне и в кассе не подскажут. – Он взял деньги.

– До Старого лесничества скажи. Есть такой полустанок по дороге. И что поесть прикупи. На двоих бери и билеты и еду. Из этих денег. Не оскудеет рука дающего. – Сложил руки на груди. Рука дала, больше не проси.

– Так у меня деньги есть. Немного, но есть. – Стыдно пользоваться добротой старика.

– Они тебе еще сгодятся. Не трать. Иди, давай, не мешкай. – Резко махнул рукой. Толкнуть бы собеседника в спину. Пусть поторопится. Да не видит его.

Артем вошел в здание касс. Подошел к окошечку.

– Ну, девушка, теперь билеты продадите? – Пытается почти просунуть голову в окошко. Ребром ладони чуть стучит по стойке окна. Не терпится получить билеты.

– Теперь можно. Стало быть, два билета. Плацкарта до Старого лесничества. – Женщина взяла у меня деньги.

Артем удивился, откуда она догадалась. Он же не успел ей сказать. Но спрашивать не стал. Забрал билеты и пошел к буфету. Витрина не порадовала. Пирожки с капустой, с рисом и яйцом, оплывшая (явно с прошлого лета) карамель, сигареты «тюремная радость». На лотке селедка, давно пережившая свою старость, обветренная, неизвестно как добравшимся до этих мест, морским бризом.

– Поесть у вас что-нибудь найдется? – Оперся на прилавок руками. Может, так лучше будет видна выкладка товара, найдет пропитание себе и деду.

– Ослеп что ли? Все на витрине. Не ресторан, чай! – Приветливо откликнулась буфетчица.

Ее стриженные волосы на голове растрепал тот же бриз. Веки подкрашены так, что хотелось с криком броситься прочь. Ей не хватало пары пистолетов за поясом и кинжала. И не было тут флага с «Веселым Роджером».

– Я так спросил, на всякий случай. Одной водкой торгуем? – Передернул плечами. Сейчас ему не до этого добра.

– Бери на прицеп пиво. По накладной гляну, когда завезли. – Извлекла пожелтевшую от времени бумагу. – Черт, дата не читается. Зинка еще работала, завезли. Она в январе уво-

лилась. С хахалем в город уехала. Чем тут торговать? С поселку мужики больше за водкой бегают в ночи. И проезжающие туда же. Что брать будем?

– Давайте пирожки. И пару бутылок... – Ищет взглядом, чего взять. Видит око, да зуб не уйма.

– Водки, естественно? – Продавщица подбоченилась. Чуть обернулась к ящику «хозяйки всех столов».

– Нет, минеральной воды. – Усмешка на губах. В карман скользнула правая рука.

– Бери. А то стоит, мешается. Привезли, и стоит. Когда ж привезли, не упомяну. – Развела руками. Вдохнула полной грудью. Ткань лифчика трещит.

– При Колумбе? – Высказал Артем догадку.

– Не, директором тогда Клуний был. На пенсию ушел. Привез и ушел. А год тому назад помер. – Хотела перекреститься, но рука сама упала. Плюнула.

Сложив все в пакет, парень направился к своему деду. Тот задремал на скамейке под лучами весеннего солнца.

– Матвей, все купил. Наш поезд сейчас подойдет. Собираться надо. – Легко коснулся плеча деда.

Вагон трянуло. Лязг. И поезд собрался в дорогу. Вагончик тронется, перрон останется.

Перекусив пирожками с водой, они прилегли в ожидании своей станции.

– Кто на Старом лесничестве выходит. Встаем. – Прошипела проводница.

Старик и парень вышли в темноту полустанка. Сиротство старого навеса. Тропинка. Справа березки смотрели на пришельцев широко распахнутыми от удивления глазами. Не ждали вторжения.

– Куда теперь пойдём, Матвей. Тут только навес и тропка. Ни дорог, ни жилья. – Артем спросил для порядка. Идти некуда. Только по старой тропе.

– По тропе и пойдём. – Дед неопределенно махнул рукой. По привычке. Куда не маши, всюду темнота.

– До темноты нам бы, где укрыться. Ни одного огонька кругом. – Поддержал лямку рюкзака.

– До темноты, говоришь. Для меня всегда темнота. Даст Бог, найдем, где на ночь голову преклонить. Все в Его власти, все по Его разумению творится. – Качает головой.

Артем подумал: мне бы его уверенность. Где притаился этот Бог, бог его ведаёт. Говорят в народе: на Бога надейся, а сам не плошай. Может, осерчал Он на нас и ушел горе мыкать в своем одиночестве. Бывает у людей, при обиде никого не хочется видеть. А люди по его образу и подобию творились.

Они шли по тропинке. Артем впереди, Матвей за ним следом. Брели не скоро. Со слепым же в паре.

Но к темноте бывший заключенный увидел сарай. Тот стоял в раздумье, не пасть ли ему. В сарае том бродили призраки всех ветров. С такими обитателями любой захочет в землю лечь. Там они и устроились на ночь. Артем набрал веток и щепок. Развел огонь. Так будет теплее.

Пошарив при неверном свете костра в сарае, Артем нашел доски. Сложил из них на земле ложе.

– Матвей, я тут доски постелил. На них можно прилечь до утра. Другого не нашел, прости. – Присел на корточки. Оперся локтями на колени.

– И тому будем рады. Господь не забыл нас. Кровлю над головой раскинул и дал для отдохновения ложе. – Шарит руками, ищет ложе.

– Не знаю, как твой Господь, крышу соорудили плотники. Ветер не успел ее сорвать. А доски «для отдохновения» я сложил. Выгреб их из кучи мусора. – Сцепил пальцы ладоней. Ухмыляется.

– Это Господь тебя надоумил отыскать те доски и потрудиться выложить их. Зря ты пустословишь. Труды твои Им внушены тебе. От всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб. Так говорил царь Соломон. – Сам вроде прислушивается к словам незримого попутчика, царя Соломона.

– Пусть так. Не стану спорить, старик. – Что толку спорить. Если ему вера дает поддержку в жизни.

Они прилегли на доски. Хоть немного отдохнуть перед дорогой. Артем и сам не заметил, как задремал на этом твердом настиле. Что снилось ему? Всего поутру вспомнить не мог. Родной город. Но немного странный. Дом, где жил. Дверь квартиры, что больше не откроется перед ним. Не чувствовал злобы и гнева. Не собирался мстить. Горечь поздней полыни жгла рот.

Уж догорел костер. Прохлада утра назойливым будильником тормозила ото сна. Артем открыл глаза, сел на жесткую перину досок. Поежился. Утро туманное, утро седое. Тюремное ложе и окрик часовых.

*Ах ты, жесткая свобода
И тюремных дней тоска.
Нас спасет от непогоды
Гробовая лишь доска.*

*Ноя сердце, грудь тревожит.
Жизнь не больше, чем острог,
Но она тебе проложит
Перекресток двух дорог.*

– Матвей, пора вставать. Уже утро. Нам в дорогу пора собираться. – Оперся о землю руками, Оттолкнулся. Встал.

– Не ведаю я света. Просто думал, ночь прохладу принесла. Хорошо, хоть ты видишь. Мне что днем, что ночью идти спотыкаться. – Ощупал землю рядом. Оперся и поднял тело на ноги.

– А врачи не пытались помочь? Зрение вернуть? – Тяжело жить во тьме.

– Пытались. Старая санитарка сказала: все в воле Божьей.

«Так вот о чем хочет поговорить старик с Богом» – Догадался Артем.

На заре я выйду в туман, на заре покину приют. Так и получилось у Артема и Матвея. И вновь они шли по тропе. Для Артема дорога стала легче, а цель яснее. Господи, хоть бы ты был! Что спрятался, как маленький мальчик. В тебе есть нужда. Не для меня, для этого старика. Бывший каторжанин хотел бы вылепить Бога из глины, лишь бы это помогло слепому старику. Бог сотворил человека из глины, отчего человеку не дано вылепить Бога. Невозможно обрести Бога. Его нет. Умом это Артем понимал, а сердце противилось. Хоть несколько дней пусть у Матвея будет надежда. Но боль сжимала сердце: в конце придет отчаяние. Он пообещал себе не говорить: Его нет. Не давши слова – крепись, давши – держись. Слаб человек. Он забудет свое обещание. Дорога в ад вымощена благими намерениями. Он, не желая того, предаст свое обещание.

А тропа убегала вперед. Шла через лес, среди деревьев, что прятали за своей спиной место казни деревянных великанов. Заброшенная лесопилка, обгаренная соком могучих стволов. Она хранила в своем молчании последний вздох поваленных деревьев.

– Матвей, мы дошли до старой лесопилки. Где-то должна быть дорога. И брошенный поселок. Рабочие должны были здесь жить. Дальше куда идти? Я не знаю дороги. – Озирается кругом. Покинутое людьми место. И бродячие собаки не заходят.

– Так по дороге и пойдем. Она нас выведет, куда надо. – Ни тени сомнения.

Артему б его уверенность. Самообман все это. Сколько ни плутай, все равно ничего не найдем. Вот о чем думал он в пути.

– Выведет? Так к поселку или к городу приведет. Мы б не пешком, а автобусом доехали.

– И пусть, к поселку. А то, что по лесу шли, так у Него свое разумение есть. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна икота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все. На то воля Его. Тогда я увидел все дела Божии и нашел, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть этого. Нам не постичь решенное ранее. И не пытайся.

– Я и не пытаюсь. Только, что нам делать в поселке том? – Артем изумлялся упрямству старика в вере.

– Так делать будем то, что хочет Он сотворить нашими руками. Идем, Артемка. Каждому будет дано по вере его. – И Матвей пошел вперед, не ведая дороги и своего пути.

– Погоди, дед. Я тебя поведу. По вере его даст. Стало быть, тебе даст. Мне и ждать нечего. Ничего мне не отломится. – Артем от такой мысли даже взбодрился. Отчего, не знал. У него веры нет, и получать нечего.

Часа через полтора открылось перед путниками село. Артему показалось не маленькое оно. Вдоль центральной дороги стояли дома крепкие, справные. У каждого крытый двор. Не бедствует тут народ. По обочине дороги идет люд честной. Если вы думаете встретить здесь баб в расписных сарафанах и кокошниках, то ошибаетесь. Не видно и баб в длинных юбках, цветастых блузках с коромыслом через плечо. Женщины одеваются не хуже городских. Течет ручей народа в одном направлении. Артему подумалось, производство у них там какое. Вот и идут организованно к своим рабочим местам. Он остановил женщину, шедшую им навстречу.

– День добрый. Простите. Здесь где-то можно остановиться на ночевку?

– Добрый день. Можно. Вон через два дома увидите каменный дом. От купцов остался. Побелены стены. Это дом приезжих. Вы спросите Глафиру. Может, и поселит.

– А народ то у вас куда тянется? На работу? – Вынул правую руку из кармана. Видать, она по работе соскучилась.

– Ха, на работу! Какое там. Магазин у нас там. С утра шары залили. Не хватило. Вот и прут в магазин. Сейчас обратно потянутся. – Махнула рукой в сторону магазина. Прямо вождь пролетариата, указывающий путь. Верной дорогой идете, товарищи.

– Спасибо. Так мы пойдем к Глафире. – Артем и подумать не мог, что в селе существует такая добрая традиция. С утра и за водкой.

– Ступайте. – Почти с поклоном проводила приезжих.

– Пойдем, Матвей. Тут не далеко. Там передохнем. Сходим купить покушать. – Приободрил парень своего спутника.

– Пойдем. Я уж притомился. Посидеть, где немножко. – Бодренко вздернул свой рюкзак за плечами. Скоро привал.

Артем с Матвеем вошли в гостевой дом. Миновали сенцы. Следующая прихожая. За стойкой сидит женщина преклонных лет.

– Здравствуйте, – поприветствовал ее Артем.

Та посмотрела на вошедших сквозь очки. Прекратила переключивать бумаги на столе, отложила тряпку, которой протирала пыль.

– Здравствуйте. Приезжие? Меня никто не предупредил. Хорошо, что я зашла.

– Приезжие. Но вас некому было предупреждать. – Артем замялся. Все, их не заселят. Особенно его без паспорта. – Мы проездом. А где остановиться не знаем.

– Можете у нас. Здесь четыре комнаты для приезжих. Всякие комиссии бывают. Сюда и селятся. Сейчас все комнаты свободны. Если ненадолго, могу поселить. – У женщины добрый взгляд. Теплая улыбка.

– Будем благодарны. – Теперь в разговор вступил Матвей. – У нас сложное положение. Я в годах. Устал. Слепому, как я, не просто в дороге.

– Давайте документы. Я запишу вас и покажу комнату.

Матвей достал паспорт, протянул его в сторону Глафиры.

– Мой паспорт. А Артем сопровождает меня. Без него я бы пропал в дороге.

– Хорошо. Запишу и верну паспорт. Комнату сейчас покажу. – Глафира открыла толстую канцелярскую книгу и начала писать.

– Чего вы на работе. Постояльцев нет, могли б и отдохнуть. И мы бы вас не застали. – Артем надеялся разговором отвлечь добрую женщину.

– Моего старого дурака благодарите. С утра zenки залил. Не хочу с ним сидеть. – Резкие нотки появились в ее голосе. – Ведь может жить по человечески. Но не хочет. Хмель ему всего на свете дороже. Держите документы. Покажу комнату.

Она встала и повела гостей вглубь дома. Повернула ключ, оставленный в замочной скважине дверей, ипустила их в комнату.

Комната небольшая, но уютная. По сравнению с тем обиталищем, где они провели прошлую ночь, это был настоящий рай. У входа стоял шкаф для одежды. Две кровати, две тумбочки. Посреди комнаты стол и два стула. На столе графин под охраной двух стаканов. Артем помог старику нащупать кровать. Тот снял рюкзак, положил его на постель. На ощупь, обходя комнату по кругу, знакомился с жилищем. Запнулся за стул.

– Глафира, а вы не пробовали своего мужа сводить к врачу. Они помочь могут.

– Водила. Чего только не делала. – Женщина в отчаянии махнула рукой. – Врачи. Так они только деньги горазды брать. От них нет толку.

– Если ты меня в хатупустишь, я ему Божье слово скажу. Помочь то может. Но все вершится по воле Всевышнего. И самого человека. На Бога надейся, а сам не плошай. Без помощи самого человека ничто не поможет. Он сам должен помочь Богу. Христос смерть на кресте принял, даровал нам свободу выбора. Без веры помощи не будет. Если человек идет к пропасти, то Бог не станет его держать. Коль на краю пропасти смертный вспомнит о вере, то Господь подставит руку свою. Не даст ноге переступить через край, через последнюю черту. Человек творит свою судьбу верой или неверием.

– Так ты молитву знаешь. – Притихла женщина. – Я пущу тебя в дом. Замолви слово свое. Отведи моего любимого от пропасти.

– Сделаю. А ты иди сейчас.

– Ой, а денег сколько приготовить?

– Глупая ты баба. За деньги веру купить нельзя. Она бесценна. Всевышний за это денег не берет, и я не возьму. Иди уж. – Взмахом руки отпустил бабу.

Глафира покинула комнату.

Артем сидел на кровати. Молчал, пока женщина была в комнате. Как вышла она, он не мог сдержать себя.

– Ты чего делаешь, старик. Зачем обманываешь? Даешь ложную надежду. – Разве руками. Чего тут говорить со стариком. Бесполезно.

– Не надежду даю. К вере во Всевышнего призываю. По вере даст Он каждому. Кто уверует, тот спасется. Ты Артем не веришь Богу. Так и не найдешь путь к спасению. Уверуешь всем сердцем, откроется тебе иной путь. Он начинается с тропинки, а выльется широкой и ровной дорогой. Тебе время надобно. Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру. Отдых твоей душе нужен. Не собрал ты еще в себе силы, способные свергать горы. Тебе только кажется, что все одолел. Преодоление впереди. Оно в твоей душе. Не излечил ты рану свою, не избыл боли в душе. Но Господь милосерден. Он любит тебя. И даровал тебе возможность пройти по дороге исцеления. Дойдешь ли до конца пути сего,

решать тебе, а не Ему. Свободная у тебя воля. Сам решай, как поступить с этой свободой. Отдохнем и пойдем за хлебом насущным.

– Чудно, дед, ты говоришь. – Кривая усмешка на губах. Насмешливый прищур глаз.

– А чего тут чудного? Человек не властен над духом, чтобы удержать дух, и нет власти у него над днем смерти, и нет избавления в этой борьбе, и не спасет нечестие нечестивого. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Не о лености говорил пророк. Не сидеть и ждать, когда Господь принесет тебе прокорм. Позаботься вначале о душе. После забота о хлебе. И станешь растить хлеба в поте лица своего.

Глава 2. Да будет воля Твоя

Артем и Матвей вышли на улицу. Тишина и покой царят в округе. Где то блеют овцы, кудахчут куры. Что еще можно услышать среди притихшего села. Время застыло. В одном или двух палисадниках топчутся старухи, наводя там порядок. Насквозь села нет дороги, машины в эту пору редкость. Артем взял своего спутника под руку. Так легче тому идти в этом царстве полудремы. Матвей не захотел оставаться дома. Без него дойти до магазина за продуктами вышло бы быстрее. Но старик вбил себе в голову, что должен зайти в местную церковь.

– Прежде следует позаботиться о душе. Потом о хлебе насущном. Не зря Он ведет нас этой дорогой. В том промысел Его.

– Матвей, никакого умысла у Него нет. Тебе просто не сидится дома. Суетливый ты мужик. И всю жизнь таким был. Твоя старуха замаялась с тобой. – Посмеивался парень.

– Вовсе нет. Мы прожили жизнь душа в душу. Все делали вместе. Это сейчас муж с женой больше порознь. Куда ни пойдем, все вместе. – Негодующе мотает головой. Другой рукой, что не держится за Артема резко махнул. Не нравятся ему нынешние отношения в семьях.

– Дети у вас есть? А коли есть, то были они и маленькими. С ними надо нянчиться. Вы их за собой же не таскали. В магазин пойти или в садик. Неужели всей ордой шли? – Крепче держит спутника. Еще раз так махнет рукой, свалится.

– Есть дети. Двух сынов вырастил. Не таскали, тут ты прав. Я о другом говорю. Когда дети пристроены, то мы всегда вместе. И ревности между нами не было. А ныне мужик по чужим бабам шляется. И не ведает, мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, ноги нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней. Если бы ты захотел постигнуть стезю жизни ее, то пути ее непостоянны, и ты не узнаешь их. И бабы туда же. От ревности, горечи и одиночества. – Сокрушается. Печально кивает головой.

– Прав ты, дедушка. Как поется в песне: я от горечи целую всех, кто молод и хорош. Ты от горечи другую ночью за руку ведешь. – Если б не старик, которого надо держать, так ноги бы выдали пару коленец. Голос у Артема красивый. Поет хорошо.

– То-то и оно. И земля сотрясается. Там пожары, здесь потопаы. От трех трясется земля, четырех она не может носить: раба, когда он делается царем; глупого, когда он досыта ест хлеб; позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей. И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею. – Держит парня за рукав, словно хочет от блюда мерзкого удержать.

– Согласен. Так мы Матвей вообще без женщин остаться должны. – Артем готов смеяться до слез от рассуждений старика. – Кто тогда детей будет нам рожать?

– Не понял ты меня. Истреблять их не следует. Только держатся должна за мужем. Не высказывать вперед.

– Нет, Матвей, так уже жить не получится. Ева была сотворена из ребра Адама, потому и подчинялась ему. А Лолит создана, как и Адам, из глины. Сочла себя равной Адаму и сбежала от мужа. И моя жена из глины. Бросила меня. Не стала ждать. Были женщины, что за мужьями в Сибирь шли. Моя трех лет не выдержала.

– Не кручинься. Ты найдешь себе, а она пожалеет. Не пара вы были.

– А я верил, любит она меня. Обманулся. – Горькие воспоминания шевелились в душе Артема.

Вот и магазин. И дверь открыта. Чему бы ни верил Матвей, чего бы ни просил у Господа, Артем молил и надеялся, местная продавщица не закрыла двери к пище телесной, не продела замок в дверные ушки и не ушла восвояси. Такое может быть на селе. И останутся они без

земной пищи. На одной духовной далеко не уедешь. Тут хоть побирайся по соседним домам. Кто картошки даст, кто репы прошлогодней.

Слава Тебе, Господи. Открыто. И мне, неверующему, по моему безверию хоть что-то дал. Артем посмотрел на небо и подмигнул хитро Всевышнему.

Вошли в магазин. Королева местной лавки бранилась с мужиком. Тот покачивался, даже придерживаясь за прилавок.

– Сказала, не дам в долг. Отвали, Семен. Вот тебе Бог, вот тебе порог. Пошел отсюда.

– Галя, мне чуток. Я после заплачу. – Причитал мужик.

– Много вас тут ходит, всем давать устанешь. Пусть жена тебе в постели дает. А я не давала и давать не буду. Как сейчас взгрею чем, так вылетишь. За последние волосенки ухвачу и выкину из магазина. Пошел!

Мужичок поплелся. Пытался попасть в дверной проем. С третьей попытки получилось.

– А вам что? Что брать будете? – Галя еще не отошла от скандала с мужиком.

– Нам бы чего съестного купить. – Артем засмеялся. – В долг.

– Я вам такой долг дам, от стенки не отмажетесь!

– Пошутил я, Галя. Мы приезжие. Деньги у нас есть. – Извиняющимся тоном продолжил Артем. Глупо пошутил с разгоряченной бабой.

– Так все на витрине, выбирайте. – Уже мирным тоном говорила продавщица. – Ничего под прилавком не прячу. Выгоды нет. Мне бы быстрее продать.

– Минутку. Сейчас выберу. Матвей у меня незрячий. Мне придется выбирать. Дай нам хлеба. Колбасы. Каких консервов. Сахар. Заварку. Погляжу еще чего. Матвей, а ты что хочешь? – Артем прикидывал, во что обойдутся покупки. Кто знает, сколько в дороге времени проведут.

– Конфет мягких. Пряников.

– Пряники не берите. – Сжалилась над слепым Галя. – Их неделю размачивать, не размочишь. Черствые. Лучше печенье в пачках. Оно свежее. Что еще?

– Ты бери, Артем. Не думай. Я заплачу. – Заявил Матвей.

– Не надо, Матвей.

– Не спорь со стариком. Не учили, старших надо слушаться. – И улыбнулся.

Впервые Артем увидел улыбку на губах старика. Добрая. Так дед улыбается внуку.

– Тогда возьмем воды и пакеты. Сложить не во что.

– А водку брать будете? У меня не всю выжрали.

– Спасибо, не будем. Слепому и так тяжело идти, а я при нем. Коли выпью, так кто о нем позаботится.

Сложили покупки и пошли. Церковь стояла недалече, за лужком от магазина. Здание, как и положено, старой постройки. Высоко в небо глядят купола. Словно руки, вздетые к облакам, за которыми укрыта обитель Божья. На ближайших деревьях расселись птицы. Посланники божьи, свернувшие крылья.

– Ты, Артем, скажи мне, когда к церкви подойдем. – Попросил Матвей.

– Так мы уже у дверей стоим. Сейчас войдем. – Пришлось остановиться. Старик, как в землю врос.

– У Врат. Не у дверей. Стоящие у врат. Надо снять шапку. Осенить себя крестным знаменем. Поклониться. После можно войти в Дом Божий. – Пояснил Матвей. – А внутри есть Царские врата. Там алтарь. За Царские врата вносят только мальчиков. Это не крещение, это воцерковление. Войдя, мы будем у Царских врат.

– Идем, Матвей. Стало быть, я был уже за Царскими вратами, а не знал этого. Меня крестили в детстве.

– Должен был быть. – Твердо произнес. Знает церковный уклад.

Вошли в притер церкви. Иконы, и горят свечи. Давно Артем не был в церкви. Почти пусто. Нет молящихся в этот час. Многие селяне предпочли молиться мамоне – бутылке водки. Вино – глумливо, сикера – буйна; и всякий, увлекающийся ими, неразумен. Не помнят о том. Лишь мужчина, рядом с ним плачущая женщина и священник.

– Батюшка, так завтра в десять будете отпевать сына нашего? – Кончиком головного платка стирает слезу со щеки.

– Да. К этому времени привозите его. Совершим обряд, раз он был крещен. – Рука священника перебирает ткань одеяния.

– Спасибо.

Артем и Матвей проходили рядом, чтобы поставить свечи. Старик задержался.

– Отчего умер твой сын, женщина? – Спросил Матвей. Мысленно Артем осудил своего спутника. Лезет не в свое дело. У людей горе, а он со своим досужим любопытством.

– Сердце у него больное. С детства. – Женщина тихо плачет.

– Ты не плачь. Если сын твой не согрешил в этом мире, то будет на Небесах. Там хорошо. Нет никакого зла. Рано, говоришь, ушел твой сын? – Поднял взгляд незрячих глаз к куполам.

– Так ему двадцать исполнилось. Не пожил совсем. – И снова боль в голосе. Тихие рыдания. Безмолвные иконы взирают на горе матери.

– Молись. И я у врат помолюсь. Господь милосерден. Невинного и вернуть может. Ты только верь в Господа, мать. Крепко верь. Я бы пришел попроситься с твоим сыном, да слеп. Мне от дома приезжих тяжело идти. Верь в Господа и молись. – Смиренный голос старика, как печаль церкви, в которую редко заходят люди.

– Так мы мимо проходить будем. Выходи, если желание будет. Простишься. Может и зачтется сыну твоя молитва на Божьем суде. – Женщина и мужчина пошли к выходу.

– Опять, дед, лезешь, куда не просят. – Шептал Артем.

– Утешить хотел. Не стоит лить много слез. В сырости лежать будет сын. – Перекрестился. Что-то шепчут губы старика. О чем-то просит Бога.

– Ты даешь, дед. Это от грунтовых вод зависит, а не от слез людских. – Суеверны люди на Руси. Придумали десятки примет, пол каждому случаю есть свои.

– Как знать, Артем.

Они поставили свечи и пошли к месту своего ночлега. Занесли свои покупки. Артем присел к столу.

– Поужинаем и будем отдыхать. Когда в дорогу, Матвей? Накуралесил ты. Можешь считать, выполнил поручение Бога. – Не смеется, скорее печалится. Что делать с ним, со старым. Его уже не переделаешь.

– Не могу того сказать. Надо еще к Глафире наведаться. Обещал. А завтра выйти к телу.

– Упрямый ты, как черт. А туда же, верую. Что с тобой делать? Посидим и к твоей Глафире сходим. Я первым войду, а то ее муженек тебя отдубасит, ты и своего божьего слова сказать не успеешь. Мука с тобой одна. Ты и руками от удара огордиться не можешь.

– Господь оборонит. – Матвей перекрестился.

– Оборонит, моими кулаками. Хорошо, если мужик спать уже будет после выпитого. Задачу ты мне поставил. Если я ему врежу, меня в полицию заберут. Новый срок дадут. Не прикрою тебя, меня совесть замучает. – Артем понимал, попал в сложную ситуацию. Но делать нечего, сам ввязался.

– Не ходи. Один управлюсь. – Твердил вредный старик.

– Не проси. Я тебя не брошу. Брошу, кем после того буду. Отдохнешь, пойдем вместе.

Артем и Матвей подошли к дому Глафиры. У парня еще была надежда, пьяница давно спит. Ему вспомнилось, каждому будет дано по его вере. Так и вышло. Мужик не спал. Матвей верил, и ему была дана возможность произнести свои божественные слова. Артем не верил, и его надежды не сбылись. Мужик не только не спал. Увидев двух мужчин, он стал орать:

– Глашка, поскуда. При живом муже в дом мужиков привела. Стыд потеряла. Своего мужика не побоялась. Нож! Кишки выпущу.

Артем решил, пора скандалиста вырубить ударом кулака в челюсть. Но вмешался Матвей:

– Слепой я, не видишь что ли. Какой я любовник твоей жене. А это Артем, мой поводырь. Слепой немного пройдет без поводыря, не сумеет.

– А кто, кроме слепого позарится на эту уродину? Не один зрячий видеть ее не захочет! – Машет кулаками в воздухе. Пьяные глаза мечут молнии.

– Так я и подумал, что ты тоже слепой. Позарился на нее. Мы с тобой братья по несчастью. Сказано в Писании: я человек, испытавший горе от жезла гнева Его. Он повел меня и ввел во тьму, а не во свет. Так видишь ли ты меня?

– Вижу. Ты слепой? Покажи! – К мужику стал возвращаться разум.

Матвей ощупью добрался до стула.

– Сяду я. Устал. Как я покажу тебе хоть что, если сам не вижу. Как я незрячий смогу быть тебе поводырем? Смотри в глаза мои, сам увидишь.

Мужик прищурился, рассматривая глаза Матвея.

– И впрямь слепешарый. Как так?

– Господь испытывает меня. Свое испытание я могу снести без ропота. То жезл гнева Господня. И тебя он испытывает, но не гневается. Испытывает тебя зельем винным. Сломаться ты или выстоишь. Ты уже надломился. Скоро падешь, так и не вынеся возложенного на тебя испытания. А ты поднимись. Покажи Богу свою веру. Скажи, я все вынесу, что Ты мне пошлешь. Ты для этого дал мне душу. Во имя Твое силу свою применю. Отрекись от зелья. Иди, ляг в постель. Я прочту над тобой молитву. Ты, обладающий силой, и я, владеющий словом, одолеем недуг.

Мужик встал и пошел к кровати. Жена помогла ему раздеться, уложила в постель. Укрыла одеялом.

– Заклинание читать будете? – Она смотрела на слепца.

– Молитву. Она на все случаи жизни. Эту молитву Спаситель даровал нам в своей Нагорной проповеди.

Глафира слышала о Нагорной проповеди. Но припомнить молитву не могла. И как называется эта молитва, не знала. Впервые Иисус прочел Отче наш.

Матвея к кровати подвел Артем. Старик возложил свою руку на лоб пьяницы. Тихо три раза прочел молитву.

– Поутру полегчает, если встанешь вместе с Богом бороться со своим недугом. А теперь, спи.

И приезжие покинули дом смотрительницы гостиницы.

Пужинали. Артем молчал вначале. Потом не выдержал:

– Матвей, а из тебя отличный шарлатан получится. Одурачил мужика.

– Не дурачил. Сказал все, как есть.

Утром часов в девять Артем и Матвей стояли на улице. Ожидали похоронную процессию. Артем думал, хорошо бы уехать до того, как муж Глафиры проснется и побежит за очередной порцией водки. Но разве старика, этого упряма, сдвинешь с места. Показался катафалк. С ним горстка провожающих. Они поравнялись с тем местом, где стояли эти двое. От процессии отошла мать усопшего. Подошла к Матвею.

– Спасибо, что пришли проводить. Это вам. Помяните раба божьего. – Протянула пакет. Матвей взял поминовение.

– Вечная память. Да свершится воля Господня.

Женщина присоединилась к провожающим, а Матвей и Артем ушли в дом. Минут через десять Артем вышел на улицу покурить. Ароматный дым, в руке тлеет сигарета. Безлюдная

улица. Лишь девочка-весна ступает по дороге. Откуда ни возьмись с криками бежит баба. Стучит во все ворота.

– Люди! Люди добрые! Чудо! Чудо свершилось! Покойник ожил. Сын Нинки в церкви прямо из гроба встал! Как старик говорил! Он его у Бога отмолил!

Беда, понял Артем. Заскочил в дом.

– Матвей, собирайся быстрее! Бежим! Огородами бежим. Что б нас не видели.

– Что случилось? Куда бежим? Зачем?

– Покойник из гроба в церкви встал. Баба по улицам бежит. Орет, ты его отмолил. Бежим.

– Ничего такого не было. Видать, обморок у него глубокий был. Прошел, он и встал.

– Ты людям это объясняй. Что сейчас начнется. Чудотворец хренов. Они нас на лоскутки порвут. На сувениры растащат. Обереги из нас будут делать. Быстрее.

На улице Артем почти тащил Матвея. Галдят птицы, разбуженные суматохой в деревне. Поднялся ветерок, словно от взмахов крыльев ангела.

– Сейчас в проулок. Там должна быть дорога на краю поселка. Машину бы поймать. Только б нас не заметили.

Глафира услышала крики бабы и у нее подкосились ноги. Батюшки, кто ж лечил ее мужа. Она собралась с силами, поднялась и к мужу.

– Черт старый, знаешь кто тебя лечил. Этот старик покойника из гроба поднял. Чудеса творит. Если ты пить не бросишь, он тебя живым в преисподнюю отправит. Надломился ты. А он тебя, как тростинку сломать может.

Мужик мало чего был способен понимать. Лишь позднее осознал все.

С той поры Степан, муж Глафиры, перестал пить.

Из проулка беглецы свернули на объездную дорогу. Им повезло. Мужик только что закончил загружать в легковую машину вещи. Они доковыляли до него.

– Мужчина, не довезете до развилки? – Артем сам не знал, что это за развилка. Просто надо было уехать.

– Это до какой?

– Вот туда, а потом направо. – Артем махал рукой. – Мне старика слепого надо вести. Выручай, друг.

– До развилки? А! Это где рейсовый сворачивает. Остановка там у него. Садись, довезу.

Артем запихнул старика в машину. Поехали. Минут через двадцать они были на развилке.

Это было чудесное спасение. Во времена, когда по земле бродили пророки, его описали бы особым благоволением Всевышнего, думалось Артему. Но Господу слава, в своем отечестве пророков нет.

На остановке установили бетонный навес со скамеечкой. Было где присесть и отдышаться.

– Матвей, куда идем дальше? – В самый раз было строить планы на будущее.

– Ты меня спрашиваешь? Слепому спросил о дороге. Чем ты думал?

– Ты же затеял этот поход. И спрашивать мне не у кого.

– Ты у нас поводырь. Ты и должен знать путь. Я не ведаю, какой тропой ты вел нас ранее, отчего должен знать дорогу. – Опустил руки. Ступни ног уперлись в землю. Не ведает он дороги. Тело приросло к скамейке.

Артем только покачал головой. А старик еще и вредный. Его вели, на него тратили бесценный дар зрения, а он брюзжит.

– Тогда будем сидеть здесь до морковкина заговенья. – Сам осматривается. Может еще попутка откуда вывернет или автобус.

– Следует идти к свету. Разве не так. Ты видишь свет. Я обращен во тьму. Где ты видишь свет, куда смотрят твои глаза, туда и идем.

– К свету – это на восток. Дальний Восток. Туда до зимы не дойдем. Придется, идти куда глаза глядят. Мудрые слова речешь ты, Матвей. Ты в парламенте не заседал? Они тоже ведут нас, куда глаза глядят. Много говорят, а о чем не поймешь.

– Не доводилось. Но заповеди о депутатах парламента и иже с ними говорят. Глупый не любит знания, а только бы выказать свой ум. Книга Екклезиаста: Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Артем с Матвеем шли своей дорогой. Один откусил от краяхи тюремной жизни, другой испил темных вод слепоты. Хлеб и вода. Они неразлучны. Мимо проезжали машины. Два путника брели вдоль берега жизни. Им некуда больше спешить, им некого больше любить. Артем уже не думал, куда идти. Просто шел. Поводырь слепого. На тюремных нарах он и представить себе не мог, что пойдет неведомо куда, обретя свободу. Ему грезился родной город. Улицы, по которым он хаживал. По которым пройдет в поисках прежней жизни. И принимать сиротство, как награду. Здесь он обронил... Это она обронила его любовь. Не склонилась, чтобы поднять ее. Ненужная вещь, ее унесет весенний ветер.

Машины, проезжающие мимо, иногда сигналили путникам. Посторонись. Артем не слышал, а Матвей не видел этой суеты жизни. Рядом зашуршали шины останавливающегося грузовика.

– Эй, путники, – Молодой голос парня из кабины, – вас подвезти? Не корысти ради.

– Это как? – Откликнулся Артем. – Безвозмездно?

Бывают на свете чудеса. Не просишь, не умоляешь подвести, Христа ради, а тебе предлагают. Даром. Велик соблазн. Мало кто не согласится на дармовщину.

– Как, Матвей, поедем или Он принимает только тех, кто пешком идет? – Насмешливо прищурены глаза. Проехать на машине даром – вот тебе и счастье.

– Поедем, раз нам предлагают. Думаю, Он не обидится. – Матвей шарил руками вокруг, словно пытаюсь определить, где машина.

– Чего мне обижаться. – Откликнулся водитель. – Сам предложил. Залезайте.

Артем помог Матвею залезть в кабину. Сел сам. Машина двинулась с места.

– А вы куда идете? – Интересовался водитель.

– Вперед идем. – Матвей поудобнее устраивался на сиденье.

– Сам вижу, – Парень рассмеялся, – что не пятитесь. И я вперед еду. Еду, смотрю, бредут по дороге. С попутчиками ехать веселее. Доеду, разгрузюсь и в обратную дорогу. Беспокойную выбрал себе работу. Хорошо, когда в одном месте сидишь, в своем городе. Развез грузы по складам или магазинам и сиди. А тут почти весь день за баранкой. А вы куда и к кому путь держите, если не секрет.

– К Господу Богу, мил человек. К Нему. – Признался Максим.

– Со мной вы к нему не скоро попадете. – Парень улыбается. – Лично я к нему не спешу. Тише едешь – дальше будешь. Я и не спешу. Мне пока пожить хочется. Если кто хочет меня обогнать, пусть обгоняет. На дорогах разное видишь. Торопятся, обгоняют. Глядишь, а торопыга тебя в кювете ждет. Хорошо, если ушибами и переломами обойдется. Некоторые за свою скорость жизнью платят.

Пареньку явно хочется поболтать. Одинок в пути. Когда еще на дороге слушателей подберет. Рекой струится под колесами асфальт. Через полуоткрытое окно в кабину задувает весенний ветерок. Встречные машины пролетают мимо. А те, кому не терпится, объезжают его. Есть и те, кто с сердитым гудком обгоняет неторопливого водителя.

– Не, мужики, машину я с детства вожу. Меня еще отец учил. – Парень задорно улыбается, вспомнив детство. – И скажу вам, если ехать осторожно, ничего не случится. Это же

не самолет. Там двигатель заглох, и ты упадешь. Тут просто остановишься. Починишь двигатель и в путь. – Крутит баранку, дергает рычаги. Хорошо на дороге. Привычно.

– Я тоже водил машину, – Артем говорил о днях до пребывания в узилище, – и, бывало, нарушал правила. Но пронесло. Жив, не покалечен.

– Молоды вы еще, – ворчал Матвей. – В дороге всякое может случиться, чего не ждешь. И никто не знает. Сказано, и я этому верю: Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадаются в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них.

– Дед, твои библейские мудрости меня уже достали. Времена сейчас другие. Твои мудрецы много не знали из того, что сейчас есть. Техника, медицина. Врачи человека почти с того света могут вытащить. Пересадка сердца, других органов. И техника понадежней. Во времена твоих старцев и техники не было. Телега и все. Сейчас намного сложнее жизнь. И их премудрости нам ни к чему. – Артем знает, дед упрямый. Его не переубедишь. Только высказал свое понимание.

– Тут ты прав, Артем. Времена другие. Человек остался прежним. Со своими страстями, с пороками. С желаниями. Желания не всегда плохи. Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его. Вот и мы, Артем, идем, куда твои глаза глядят, а ведет нас Он. И придем куда надо в срок. Вот он... Звать то тебя как?

– Игорь.

– Вот, Игорь правит этой машиной. Думает доехать до места. А все в воле Господней. Он и решит, доедет Игорь или встанет на пути.

– Нет, Матвей, доеду, а то завгар мне такое устроит. Вот это и будет гнев Господень. Даже страшнее будет. Премии лишит. С выгодных рейсов снимет. И сколько ни молись, ничто не поможет.

– Дело твое, Игорь. Мое сказано. А семья у тебя есть? – Не зрячие глаза деда смотрят на дорогу.

Вдоль дорожного полотна посажены чахлые деревца. За ними поле. Остановились возле шлагбаума. Железнодорожный переезд. Прошел тепловоз, таща за собой вагоны. Свободен путь. И машина двинулась дальше.

– Жена, дети? У меня девушка есть. Мы снимаем квартиру. Не расписаны, но живем вместе. Нас обоих пока это устраивает. Притираемся к друг другу. Другие сразу женятся, потом разводятся. К чему нам это?

– На квартире живете, это ничего. Дом и имение – наследство от родителей, а разумная жена – от Господа. Любишь ее, женись. – Думы Матвея о своей покойной жене.

– Я об этом думал. Да все некогда. Не получается. – Игорь и сам не понимает, что такое некогда.

– Не лукавь. Побаиваешься. Попросишь выйти за тебя замуж, а она скажет, не время. Может, ждет она заморского принца и не понимает, что он рядом. Придешь из рейса, сразу и позови.

– Да как-то оно... А что? Приеду, скажу, завтра идем в загс. – И полегчало на душе у Игоря.

– Не затейливо у тебя все получается. – У Артема тоже все было не затейливо. Пусть хоть у парня будет лучше. – Ты цветы ей подари. Колечко. В ресторан пригласи. Чтобы красиво было, дурья башка. Это нам, мужикам, без разницы. Я почти не помню, как своей бывшей сделал предложение. А девчонки запоминают. Им это необходимо.

Может, оттого и не стала ждать его жена. Забыла, как он сделал ей предложение. Другой мужчина позвал ее красиво, торжественно. И согласилась. Горько на душе. Не одна она виновата. Оба.

– А ты чего, Артем, сник. Отболит в душе, другую женщину полюбишь. – Старик повернул незрячие очи к спутнику.

– Хватит. Не женюсь больше. Прошло все это. Я не мальчишка. Бабу так найду. И мне хорошо, и ей не скучно.

В кабине повисло молчание.

Дорога пошла через лес. Она выглядела наряднее. Среди сильных старых деревьев. Ветерок заигрывал с листвой и веточками. На небе одинокая темная тучка. То ли обещала грозу, то ли собралась в гости к подругам.

– Тут дальше лесистое место. До следующего поселка так. – Прервал молчание Игорь. Как без разговоров в дороге. – После поселка опять лес.

Справа с грунтовой дороги вылетел джип. Игорь ударил по тормозам. Расстояние слишком маленькое. Вывернул руль влево, избегая столкновения. Машина полетела на обочину. Передние колеса въехали на груды камней, заботливо сложенных дорожными рабочими. Кабина вздыбилась вверх. Матвей одной рукой уперся в переднюю панель. Другой толкнул Игоря в плечо. Тот отлетел к дверце. Матвей плечом все же ударился о панель. Рука соскользнула. Артем выставил вперед руки. Удар. Сильная боль в правой руке. Игорь головой ударился об руль. Могучая ветка дерева, росшего на обочине, пробила ветровое стекло, вонзилась в спинку сиденья водителя. Лишь минута, и ветка пропоролла бы легкое парня. И Игорь бы упал в кабине своей машины, захлебываясь кровью.

– Ибо человек не знает своего времени. Всею свое время. И время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать. Время насаждать, и время вырывать посаженное, время убивать, и время врачевать, время разрушать, и время строить, время плакать, и время смеяться, время сетовать, и время плясать, время разбрасывать камни, и время собирать камни, время обнимать, и время уклоняться от объятий. Час твой не пробил. – Прошептал старик.

Джип не стал задерживаться. Владельцы его торопились. Пусть эти в грузовике сами справляются со своей бедой.

– Черт! Откуда он взялся? – Игорь вываливался из кабины. – Вы как, мужики, живы?

Из носа Игоря текла кровь. Стирал ее руками и рукавом рубашки.

– Вроде, живы. – Артем ощупывал правую руку. Сломал или вывих? Больно.

– Уцелели, – подтвердил Матвей.

Игорь по сотовому телефону вызвал полицию. Те не торопились. Приехали, обследовали место происшествия, нарисовали схему.

– Джип этот сейчас не найдешь, – Сказал следователь. – Но следы протектора явные. Хорошо летели. Резко разворачивались.

Помят капот грузовика, ветровое стекло разбито. Но машина на ходу. Можно ехать.

Скорая помощь пострадавшим помогла. Живы, и ладно. Игорю в нос вставили тампоны, забинтовали. Артему вправили руку. Обошлось вывихом. Плечо Матвея почти не пострадало. Огромный синяк.

– Все, в гараже меня съедят. – Сетовал по дороге Игорь. – Мало, что нет моей вины. Машина пострадала. Груз вовремя не доставил. За ремонт машины меня заставят платить. Накрылась наша свадьба.

– Я тебе, накроюсь – Грозил Матвей.

– Ты им не плати. Несчастный случай. Страховка покроет. – Советовал Артем.

– Невесту как зовут, дурья башка? – Матвею хотелось, чтоб свадьба быстрее сладилась.

– Марина.

– Так звони ей. Проси руки. Если робеешь, я за тебя попрошу. – Дед Матвей настроен решительно. Откуда только в нем столько энергии. Того и гляди, отберет у Игоря трубку и сам станет звонить.

– Я позвоню сам. Но, когда вы уйдете. Это личное.

Поселились они в маленькой гостинице. Игорь здесь останавливался раньше. Бывало, обратный груз задерживался. Вот по дороге и заночует.

Стандартный для такого уровня номер. Место преклонить голову на ночь. Минимум мебели и жилого пространства. Душ и туалет. Проезжающий люд и этим доволен. Телевизор неопишуемой древности с трудом принимает два канала. Если кто сильно затоскует, внизу есть буфет и пиво. Из под полы нальют сто грамм.

Они сидели в номере. За окном солнце обдумывало, как закатиться за горизонт. Артем не раздеваясь прилег на постель. Матвей сидел на кровати.

– Тяжело, Артем, чувствовать на лице тепло солнца и не видеть светила. Знать, над тобой манящая голубизна неба, но нет крыльев, подняться ввысь. Аромат первых листьев кружит голову, а первая зелень не ласкает твой взор. – Грусть и тоска в голосе Матвея. – Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его. Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему. Я принял ношу свою, боль осталась. Сказано было, пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя. Пью, а жажда не проходит. Грех это мой. Не сумел смирить свое сердце. Нет смирения. Это гордыня через край заполнила меня. Пошел искать Его. Расплещу по пути гордыню, с благодарностью приму наказание, утолю жажду из колодца своего. И ты, Артем, попробуй. Может, получится.

– Матвей, осуди меня ты, пусть осудит Бог, назови это гордыней. Не было на мне вины. Кругом все требовали, сознайся. Признай себя виновным. Тебе срок дадут меньше. Осудят условно. За что осудят? За признание в том, чего не совершал? Подчас хотелось биться головой об стенку. Вот и пью из колодца своего. Вода в нем подернута тиной отчаяния, горчит полынью утрат.

– Ты не брани Бога. Испытывает Он тебя. Пройди ступнями по горячим углям. Будет день, ступни твои коснутся мягких трав в росе. Остудишь свою душу.

– Не могу. Он в своей справедливости позволил меня осудить. Всезнающий не ведал, я не виновен. Не безгрешен, но то другие грехи. Суди за них.

– Что такое человек, чтоб быть ему чистым, и чтобы рожденному женщиною быть праведным? Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы. И я оступался не раз. И поздно принимал ошибки свои. Был друг у меня. Крепко дружили. Но поверил я не ему, а словам черным. Поругались мы тогда крепко. Резким словом я обидел его. Не смей подходить ко мне. Умру, не прикасайся к холодным моим ногам! Он был парашютистом, испытывал новые системы. Тогда работал над управляемым парашютом. В день после нашей ссоры прыгал. И я в этот день узнал правду. Чист он был передо мной. Пытался связаться с ним. Извиниться. Прощения попросить. Не успел. Прыгнул он. Но что-то не заладилось. Одна из строп управления, мне после рассказали, перекинулась через шею. На землю он опустился мертвым. – Слезы потекли из незрячих глаз.

Артем глядел на старика. На его лицо. И Артему стало страшно. Пустые глаза, веки, что не вздрогнут. Два ручейка слез из мертвого источника. Стекают по щекам. Мертвая влага боли, отчаяния, ручьи раскаяния.

– Не успел я покаяться, вымолить у него прощение. Время насаждать, и время вырывать посаженное, время убивать, и время врачевать. Упустил я время. Каюсь, но поздно. Порой во сне ночью вижу, стоит он передо мной. Молчит. Смотрит. Я хочу попросить прощения, а не могу. Слова не сходят с моих уст. Стоим и молчим. – Матвей закрыл лицо ладонями. Вздрагивают плечи. Горючая влага отчаяния льется из самого сердца.

– Он простил тебя, Матвей. Ты выстрадал свой грех. Правду рассказал и очистил свою душу. Найди в себе силы простить самого себя. – Откуда пришли слова эти Артем не знал. Говорил, что должен был сказать. Принести искупление грешному сердцу друга.

Глава 3. Лекарства горек вкус

Молчание в комнате. Артем ждет, когда Матвей немного успокоится. Он отпил горечи друга и ощутил на губах горечь своего сердца. Не время думать о себе. Все знают о целебных свойствах чая. Это позволит отвлечь друга от тревожащих печальных мыслей.

– Матвей, чай будешь пить? Я схожу к коридорной, возьму кипятку. Заварим, поедим. Мне вечерняя скука желудка противопоказана. – Попытка отвлечь друга и себя от невольной тоски. – Я, помнится, не мог уснуть, если не набью брюхо попозже вечером. Врачи говорят, на ночь вредно есть. Как они заблуждаются. Бывало, перед сном столько съем, что с боку на бок с трудом поворачиваюсь в постели. Тут поневоле будешь лежать смиренно. Сон и придет. Ему и подкрадываться не надо. Я все равно бревном лежу. Так я за кипятком?

– Сходи. А то после бревно с места не сдвинуть. – Матвей усмехнулся.

Артем взял стеклянную банку и вышел. В конце коридора за стойкой сидела женщина. Настольная лампа, очки на глазах. Хорошая фея, женский роман сквозь тернии уводит в мир прекрасных мужчин. Смуглые высокие красавицы, чей взгляд пробирает до костей, клянутся в любви. А вы, толстые лысые коротышки, где вы? Что стоит вам потряхнуть шевелюрой лысины, встать на скамеечку, чтоб дотянуться до плеча красавицы, прикрыть свитером брюшко, свисающее через брючный ремень. Ву а ля! И женщины, как спелый плод падают вам в руки. Залезьте же на книжную полку. Достаньте томик стихов. Откройте страничку, заложенную накануне ненужной вам расческой. Прочтите пару строк. Женщина и не заметит подмены. Смотрит на вас из под век фантазии, выдумки. Пришла любовь.

Артем подошел, присел на стул рядом со стойкой. Хозяйка этажа не подняла головы. Чудесный сон повествования увлекал ее больше, чем явь.

– Девушка. Любовь ушла? Она вернется. – Полушепотом говорит Артем.

– А вам какое дело? Я никого не просила лезть мне в душу. – Пламя взгляда.

– Я о книге говорю. О главной героине. А вы подумали... Нет, я не стану смотреть в ваш полумрак. Он пришел перед рассветом. Вы закончите свою смену, пойдете по улице. И найдете то, что недавно обронили. Но за хорошие вести надо платить. Кипятком.

– Кипятком?

– Кипятком. Не в смысле обварить меня кипятком. Налить мне в банку кипятка. Чай хочу заварить. – В улыбке Артема столько теплоты и понимания. А на душе девчонки капли крови, оставленные горькими словами прощания. Слезинки в уголках глаз. Надежда на чудо. Волшебник, покинувший недавно тюремный приют, творит его сейчас.

– Сейчас налью. Минутку подождите.

Священный сосуд обжигает руки. Над ним чуть зависает пар. Через минуту это превратится в колдовской отвар чая.

– Матвей, чай подан. Тебе сколько положить сахара?

– Ложечку. С меня довольно будет.

– У нас есть сыр, масло. Мягкий батон. Колбаса. Сардельки в тесте.

– Пир настоящий, Артем. У библейских царей на столе таких кушаний не было. Истинно говорю, пир.

– Пир, другого мнения быть не может. Только у нас на стене не появится огненная надпись. И толкователей звать не будем. Просто у нас все. Идем на встречу с Богом. Другие на прием к мэру или иному чиновнику. Сидят, ждут в приемной. А мы подойдем, дверь откроем. А Он там сидит в томлении духа. На часы поглядывает. Нас ожидает. Войдем, небрежно сядем за стол. Как жизнь, брателла? Разговор есть. Давай, перетрем.

– А Он тебя поганым венником погонит. Чтоб свое место знал. С Вседержителем так не разговаривают. Ты с Ним на нарах не чалился.

– И кто тебе такое сказал? Может, нам на нарах Он больше, чем другим нужен. И ведем с Ним беседу в ночной тишине.

– Говоришь, с Ним вел беседы. Вот и послал Он меня тебе навстречу. А ты увязался за мной.

– Не тебя послал, а соблазн. Смушение души. И не увязался я вовсе. В путь твой шаги свои вплел. Как без меня этот старый хрыч обойдется. В лесу заблудится или в болоте сгинет. Оставлю без присмотра, после думай о душе, заблудшей в тумане. – Эта словесная паутина казалась Артему забавной игрой. В камере и слова многие забудешь. Там свой язык.

Матвей посмеивается. Спутник у него хороший. Балбес немного. Но с таким любую дорогу можно одолеть.

Луна выехала на небо с упряжкой звезд. Ветерок принес ночь. Сон расстелился шелковыми простынями.

Утро принесло прощание с Игорем. Ему надо доставить груз. Матвей с Артемом решили задержаться еще на день. Тело требует отдыха, а душа может пребывать в постоянных трудах. Это как ей угодно. Не зря спрашивают, что вам угодно, душа моя?

Проводив с утра пораньше Игоря, путники решили побаловать себя оздоровительным сном.

Ночь под лавку, день пришел.

Но дремота, ты не таешь.

Ты воссела на престол,

Много сказок знаешь.

К обеду Артем протер глаза. Сладок сон на свободе. Все утро парень лежал, обнимая грезы сна, словно женщину любимую. Но у желудка есть свои мечты. От него так просто не отвяжешься. Будет заунывно клянчить свое.

– Матвей, что ты думаешь об обеде?

– А чего о нем думать. Былое и думы. Ужин – это былое, думы об обеде уже заходили. Пытался их гнать, да разве эту голытьбу прогонишь. Сидят в башке, будто тут прописаны. Хоть участкового зови, чтоб выселить. Мне б сейчас яств изысканных. Перепела жареные. Семга горячего копчения.

– Перепела ему. В местном магазине, думаю, ржавая селедка найдется вместо семги. Куриные ножки в слизи. Помыть их в марганце или растворе соли. Обжарить с луком и укропом, дух отбить. Трухлявая лапша, отведенная мышами. Бычки в томате и салат из морской капусты в банках беременных ботулизмом. Иного не сыскать. Но все равно, пойдём. Я в чудеса не верю и тебе не советую.

День выдался немного прохладным. Редкие прохожие скользят в его прохладе. Предчувствие дождя несет ветер. Машины сонно топчут шинами асфальт. Жирным котом при дороге улегся продуктовый магазин. Подле него зилот. К нему очередь.

– Чего дают, любезные? – Артему любопытно, какой дефицит завезли.

– Так с городу списанный хлеб и булочки привезли. Черствый, но дешево. Скотину кормить. Какие булочки и сами покушаем. Не господя. Я их чуть водой орошу, во влажной тряпичке полежат. После в духовку. Так словно вчера испекли. – Пояснила бабка из очереди.

– Приятнейшего вам аппетита. – И Артем увлек Матвея за собой в магазин.

Прилавок. Продавец. Луч света. Артем провел Матвея к прилавку. Продавщица с одиозностью во взоре. Хоть картину с нее пиши, брошенная любовница.

– Хозяюшка, а чего покупателей нет? – Куда исчез вечно голодный люд, думает Артем.

– Так не придут, пока все сухари на улице не раскупят. У меня хлеб свежий, так им дорого. Утром кур завезли копченых. Горячего копчения семгу. С дуба пали.

– Семга? С дуда упала? – Вот тебе чудеса.

– Начальство с дуба упало. Семгу сюда везти. У меня скумбрию старомороженную не раскупили. Ее еще январскими морозами прихватило. Вот путассу берут. Пожарить. От нее при жарке хоть вонь на весь дом, а после к столу. Или пироги из нее. С головой и кишками в пирог закатаешь, иначе есть ничего не останется. Знатные пироги получаются. – Распознала в мужиках приезжих. Этим, может, удастся втюхать. – Так семгу брать будете? К водочке на стол. С ума сойдешь.

– Я тебе говорил, Артем, семги душа требует. На чудо, говоришь, не надейся. – Матвей не позволит сгубить свою мечту.

– Не душа, Матвей, у тебя требует. Брюхо. Не думал, чья то душа в нем обитает. В брюхе.

– Ты бери. Деньги у меня есть. И курицу копченую. Хлеба возьми. Батон прикупи.

– Давай, хозяйюшка. Дедуля без этого не уйдет.

– А водочку возьмете?

– И тоже свежая? – Потешается Артем.

– Эта всегда свежая. Завозить не успевают. Берете?

– Нет, спасибо. Минеральной водой обойдемся. Идем, Матвей. А то Чудотворец еще чего выдумает. Ребрышки копченые, к примеру.

– Так вот ребрышки. И говяжьи и свиные. Мясо на них сочное. Сама попробовала. Во вред фигуре откушала. – И дева рукой ласкает свой стройный стан.

– Ребрышки? Что дед, возьмем? – Поглядел на спутника. Подмигнул, да вспомнил, дед ничего не видит. Сделал продавщице знак рукой: клади.

– Бери. Не часом единым живем. После захочется поесть. – Разрешающий взмах ладони. Пусть возьмет. Копченые долго не испортятся. Пригодится.

Артем торопливо сложил покупки в пакет. Вывел старика на улицу. Не иначе бес шутит. Бери, что хочешь в этом магазине.

В гостиничном номере Артем выкладывал покупки на стол. Смутное подозрение ютилось в уголке сознания. Как вышло, в сельский магазин завезли такие продукты. Пенсионеры не питаются копченой курятиной и семгой. Им бы попроще. Приехали они, привезли внезапно эти товары.

– Матвей, тебе не кажется странным, такие продукты в село привезли. Дачников здесь еще нет. Местным не по карману.

– Все делается по слову Его. Десница Всевышнего, что скатерть самобранка. Раскрыл длань свою и потекло изобилие.

– Замечательно. Мог бы и даром раскинуть скатерть. Или хоть скидки какие у этой длани нашлись бы.

– Алчность твоя не знает меры, Артем. Господь тебе прокорм посылает, а ты в неумности своей сверх того хочешь.

– Так я без претензий. У нас в магазине в будние дни с девяти до одиннадцати, как писали, всем скидки. На кассе не попросишь, скидку забудут дать.

– Ты молитву вознеси. Господи, даруй рабу твоему Артему скидку три процента. Тьфу, на тебя.

– Как бы то ни было, скидка не помешает. Копейка рубль бережет. Это я раньше деньгами разбрасывался. Сдачи не надо. Корчил из себя вельможного барина. Садись, Матвей, есть будем.

Матвей подсел к столу. Артем помог старику найти на столе припасы.

– Ты, Артем, за что сидел? Не хочешь отвечать, не отвечай. – Матвей с удовольствием ел копченую рыбу с хлебом.

– Ни за что. Вру. Было за что. За ротозейство. Проверять надо вовремя финансовые документы. Пришла проверка, и по всему выходит, я вывел за рубеж двести пятьдесят с хвостиком миллионов долларов. Налоги не заплатил, вкладчиков обокрал. Только выяснилось,

на документах подпись не совсем моя. Бухгалтер в то время исчезла. Мой друг, он же мой компаньон, дал показания против меня. Яко бы я при нем некоторые из липовых документов подписывал. Кодированную флэшку с паролями доступа к счету никому не доверял. Но я пару раз оставлял ее Николаю, моему компаньону. Только не докажешь. Копию с флэшки простому человеку сделать не под силу. Это как посмотреть, при помощи специального оборудования вполне реально. Я не совсем это понимаю, надо синхронизировать положение кластеров запоминающего устройства. За день до прихода полиции деньги ушли со счета. В тот день я никаких платежей не делал. Я на своей машине уезжал за город. На мою беду, камеры слежения на выезде из города были выключены. Досматривали их или перенастраивали. И никто меня не видел. И видели бы, что толку. Перевел с чужого компьютера. Дело нескольких минут. Меня хоть режь, не знаю, на какие счета ушли деньги. Решили, я с подельниками, сбжавшим бухгалтером и ее мужем всю эту операцию провернул. Подозреваю, мой друг Николай все сделал. И полиции дал сигнал. Вот и пошел в тюрьму не главным грабителем, а соучастником. Адвокату удалось основное спихнуть на бухгалтера. До сих пор не знаю, есть ли ее вина. Но тогда о совести думал мало. Срок большой не хотел мотать. Не без греха я.

Но рассказывать всего не стал. Много еще подозрений осталось. Кто ж будет все открывать малознакомому человеку. Хорошо, если дед все забудет в дни их странствий.

– Что ж, много в том печали. Пришлось пойти в темницу. Господь так решил. Если же скажут тебе: «куда нам идти?», то скажи им: так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть; и кто под меч, – под меч; и кто на голод, – на голод; и кто в плен, – в плен.

– И ты хочешь, чтобы я безропотно шел дорогой, которой идти не собирался. А виновные гуляют на свободе. И не боятся.

– Нечем мне утешить тебя, Артем. Лишь истиной из Библии. Не скоро совершается суд над худыми делами. От этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло. Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нем, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом Его, а нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом.

– Утешил. Я не благоговею перед Богом, мне недолго держаться. А если я несу волю Его, творю суд, как заповедано? Я чист? И ждет меня райский сад?

– Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется. Лжесвидетель погибнет; а человек, который говорит, что знает, будет говорить всегда. Не скрою, нет в мире совершенства. Всеми и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы.

– Так чего Он хочет от меня? Я только человек. Мне отмщение, аз я воздам? Таков мой грех.

– Не мни себя богом. Не тебе судить. Не говори: «я отплачу за зло»; предоставь Господу, и Он сохранит тебя. Мерзость пред Господом – неодинаковые гири, и неверные весы – не добро.

– Пустое это все, Матвей. Не получится из меня ангел мщения. Не потому, что слабак. Не потому, что умерла во мне ненависть и обида. Вышел из тюрьмы, хотел поехать в родной город. Взглянуть им в глаза. Узнать, не мучает ли совесть. Николай предал меня из-за денег, жена ушла к другому, надеясь сохранить достаток и остаться непричастной тому, кто клеймен позором заключения. Тебя на беду встретил. Расхотелось мне встать перед ними укором совести. Мыслю о том, как проглотить свою обиду. Не нахожу смирения в сердце. Не ворочусь в свою Пермь. Наломая там дров пуще прежнего. Потому и пошел с тобой искать Бога. Ему я скажу: не нашел в Тебе справедливости. В Твоих руках божественные весы, в моих – весы человеческого сердца. Взвешивать Тебе горы, мне крупички, что падают со ступней людских ботинок. Время твое бесконечность, расстояние безмерность. Мое время миг, дорогу мерю пядью. Богу богово, кесарю кесарево. Мне то, что осталось от вас. Ничто.

Грусть в улыбке Матвея. Печаль незрячих глаз.

– Нет в твоём сердце смирения, Артем.

– Зачем Ему мое смирение? Малого среди малых, ничтожного в желаниях своих. Думать, что смирение мое значит для Него хоть что-то и есть гордыня.

– Думай, как знаешь. Не отвергай отеческой заботы.

Они прекратили спор. Матвей калачиком свернулся на своей постели. Артем включил телевизор и тоже прилег. Они коротали время, копили силы для своей дороги. Если о своей дороге Матвей полагал, что все знает, то определиться с дорогой Артема не мог. Смирения не ищет, прощения не просит. Чего ему надобно? Если считает себя незначимым для Творца, то путь этот без всякой цели. Оставит за собой лишь убиенное время.

И Артем думал. Искать не ищущий. Ждет старика разочарование на исходе пути. Пусть обопрется на меня, мне выплатит свою боль. Пусть доживает дни свои со мной. О нем некому позаботиться. А мне заботиться не о ком. Вот и проведем вместе срок в камере по имени Земля.

Бубнит телевизор. Одноглазый разбойник делится своим виденьем мира. Тужится развлечь всех вокруг. Заполняет пустоту человеческого жилища.

– Сегодня днем в Санкт-Петербурге был убит известный банкир. Выстрел киллера настиг его на входе в собственный офис.

– Вот беда. – Насмешливо сокрушается Артем. – Нас убьют, не велика потеря. Наши гроши пусть пропадают. Тут человек копил, грабил, греб под себя деньги, а попользоваться не успел. И где тут справедливость, Матвей?

– О душе надо беспокоиться. Она преемник всего. Писания читай. Там все сказано. Сладок для человека хлеб, приобретенный неправдою; но после рот его наполнится дресвою. Вот человек и собирает неправдою богатство, а все напрасно, скажу тебе. Не доставляют пользы сокровища неправедные, правда же избавляет от смерти. Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им. И сказано воистину: Я предпринял большие дела: построил себе дом, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревья. Только все было напрасно. Потому что все дни его – скорби, и его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета! Есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему. Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей.

– Матвей, все это знают, только все равно рвутся к богатству. Честно, и я бы не отказался от больших денег. С ними при жизни многое себе можно позволить. – Артем мечтательно улыбнулся.

– И чего бы ты себе позволил? Девочек, жратвы, одежды царские? – Ехидно спрашивает Матвей.

– Не только. Хороший дом. Мне и жить негде. Квартира у жены. Вот вышел я, а вернуться некуда. Никто не пустит меня на порог. Пусть не заберу я жилище с собой, но сейчас мне надо где-то прятаться от холода, непогоды, от ночной тьмы. Одежда? Так голым ходить не станешь. Жратва? Без нее не прожить. Девки? В моем возрасте совсем неплохо иметь рядом женщину. Не только друга, но и в постели. Твоя дочь, чаровница, всю ночь мне дарила душевный покой. Не зря Бог сотворил Еву.

– Так чего печалишься? У тебя еще все будет. Крыша над головой. Молод ты, заработаешь денег. И пропитание себе купишь. А женщина? Она придет. И ей тепло человеческое нужно. И некрасивого мужика подберут. Тебя какая бизнес-леди с руками оторвет. Им мужика не надо. Врут. Хоть на ночь, а все ж ее. Дитя ей родить хочется. Что мы оставим после себя? Частицу свою, ребенка.

– Думаешь, не закончена моя жизнь? Сладкие речи. Найдем твоего Бога, устроюсь на работу дворником, будут деньги. Угол где себе сниму. На распродажах одежонку подберу. Куплю кусок колбасы дешевой, бутылку водки. Тут баба и придет. В рванье, нечесаная. Скажет: наливай. После короткие пьяные ласки. Такое счастье мне уготовил Бог.

– Бог даст. Ты верь. Он знает, ты заслужил лучшую долю. – Сколько веры в словах Матвея.

– Твои слова да Богу в уши. Пустое это. Как ты говоришь: все суета и томление духа. Старость свою встречу на помойке или мусорной свалке. Буду там бродить, в авоське бренчат пузырьки дешевого пойла. И за одной из куч прирежут меня молодые бомжи за рваную куртку и краденую водку.

– Горькие слова говоришь. Света твоя душа не видит.

– Видит, дед. Буду вспоминать, как ходили с тобой искать Бога. Авось, буду рассказывать выдуманную историю. Нашли мы его, беседовали. И посулил Он мне райское блаженство. Только чуток подождать надо.

– Слов таких не говори. Укрепи веру в своем сердце. Все наладится.

– Матвей, кончай словоблудие. Мой путь прописан.

Ох! – Думал Матвей. – Изболелась у Артема душа. Веры ни в Бога, ни в себя не осталось. Обжегся. Друг предал, жена бросила. Люди признали виновным. И помощи не ждет ни от кого.

– Артем, если тебе не на кого надеяться, так пусть другие видят в тебе надежду. Сколько несчастных бродят по свету. И у них нет опоры. Ты мужик крепкий. Подымись, встань на ноги. Разверни плечи. Если для тебя все кончено, так ты им помоги. Думай, мне никто не помог, так им за что страдать.

– Дело говоришь. Мать Тереза. Отец Артем. И всучат мне Нобелевскую премию мира. – Артем рассмеялся. – Уговорил, старик, я подумаю. За чужой бедой свою можно не видеть. Не беда у меня, малость.

А что? – Вдруг проскользнула в голове Артема мысль. – Вдруг получится. Помогать людям. Будет для чего жить. Главное, не ждать от них благодарности. Не делай добро, не будет худа. Эко вознесло, творящий добро. Зазнаться можно.

– Вот и я о том. – Продолжал Матвей. – Благословен человек, который надеется на Господа, и которого упование – Господь. Ибо он будет как дерево, посаженное при водах и пускающее корни свои у потока; не знает оно, когда приходит зной; лист его зелен, и во время засухи оно не боится и не перестает приносить плод.

Телевизор закончил рассказывать о родственниках усопшей знаменитости. Наследство делят. Жены, дети, племянники. Черета внебрачных отпрысков. Все смешалось в один клубок. Каждый хочет кусок побольше. После встреча с престарелой поп-звездой. В кругу своих известных друзей. Воспоминание о юности веселой. О мужьях, любовниках. Поет песни, что были на слуху.

– Срам один. – Ворчит Матвей. – Стыда у них нет. Только народ смущают.

– Матвей, ты не старый, а ворчишь. Всем хочется славы. Хоть вспомнить о ней. И я бы от славы не отказался. Пойдешь в соседний магазин за кефиром. Песок из тебя сыплется. Все тебя узнают. Ах! Это Артем Павлович. Тот самый. Помните? Как блистал. Продавщица в магазине млеет. Артем Павлович, вы из того лотка кефир берите. Свежий. Сама выкладывала. От такого молодеешь. Что с того, что ножонки дрожат, голова трясется.

– Вздор говоришь. Тебе слава не нужна. Чувешь разницу? Прославиться и ославиться. Так эти больше ославились. Скандалами, пьянками, драками.

– Это не скандалы, а пиар. Без этого забудут. Любой талант при жизни не востребован. А то и опасен. Вот для известности и нужны скандалы.

– Грех это. Про эту же звезду словами Писания скажу: возьми цитру, ходи по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много песен, чтобы вспомнили о тебе.

– Вредности в тебе, Матвей, через край. Пойду за кипятком. Пора об ужине подумать.

Артем встал с постели. Взял банку и пошел к коридорной. Тихо кругом. Постояльцы укрылись в своих комнатах. Он один идет по коридору. Высокий, стройный, уверенный шаг. У него и в мыслях нет, любая женщина была бы счастлива оказаться в его объятиях. Покинувшая его женщина вглядывается в зеркало в страхе увидеть ранние морщины. Оставленная любовью, сбежавшая от нее. Любовь задержали, посадили в тюрьму. Своими руками она все сделала для этого. Другой мужчина, грезилось ей, построит для нее золотые замки. Даст больше тепла. В город пришла весна, забыв заглянуть в холодные покои ее загородного дома.

Девушка, что дежурила накануне ночью, вновь заступила на ночное дежурство. Больше смен, больше зарплата. Перед ней книга. Она ее даже не открыла. Улыбка в ответ на какие-то свои мысли.

– Добрый вечер. – Потревожил покой коридорной Артем. – Я к вам за кипятком. Можно?

– А? Да. – Девушка очнулась от своих грез. Но на губах улыбка, блеск в глазах. – Придется немного подождать. Сейчас вскипячу. Не успела поставить.

Она поднялась и вышла в служебную комнатку. Скоро вернулась.

– Вы посидите. Это недолго. Как вам в нашей гостинице?

– У вас уютно. Пусть не богато, но все есть для постояльцев. Мы с Матвеем завтра уезжаем. Пора в дорогу.

– Пожелаю вам счастливого пути. – Чуть голову набок, румянец смущения. – Вы были правы. Я подняла, что обронила два года назад. Он вернулся ко мне. Словно вчера все было.

Марина после дежурства вышла на улицу. Хмурится утро. И ей не до веселья. В ушах еще звучат горькие слова разлуки. Идет домой. Там в уголке притихла ее печаль. Идти мимо магазина. Тут собираются все вести. И о ней будут судачить. Кавалер Маринку бросил. К городской уехал. К чему такому красавцу деревенские дуры. На сеновал затащить, и вся радость. С городскими не соскучишься.

– Антон, ты до магазина сходи. У меня и хлеба нет. Одна бы сухарями обошлась. Мясо или курицу купи. Сметаны. Сварю борщ. Хорошо, что ты вернулся. Стосковалась я. А тебе все было некогда мне строчку черкнуть. За Маринкой твоей Андрюха увивался. Вчера в город укатил. Не знаю, она его турнула или сам сбег. Мать его говорит в городе у него деваха есть. Отец у нее бизнес держит. И будет Андрюха сыр в масле кататься. И ее, мать, на старости лет озолотит. Сумку возьми. Иди уж в магазин. Пока купишь, принесешь, а мне варить надо. К обеду и поспею.

Антон накинул куртку, вышел на улицу. Сам во всем виноват. Уехал на заработки. Закрутился. Два года. Вернулся вчера вечером. Ехал домой, душа ныла. О Маринке думал. Не надо было ее оставлять. Теперь поздно жалеть. Заново жизнь начинать в своей деревне.

Шел, гнал впереди свои мысли. До магазина недалеко. Прийти по их проулку, выйти на главную. Дальше по обочине до самого магазина. Идет, а навстречу она. Он не мог не узнать ее. Марина. Их разделяют двадцать шагов и целых два года.

Марина подняла взгляд. Мужик в светло-зеленой куртке. Волосы растрепал ветер. И глаза, в которых вечно пляшет чертик. Сердце пропустило такт. Ударило, аж голова закружилась. Она стоит. Он бежит к ней.

– Марина! Ты. – Антон обнимает ее. – Как я рад тебя видеть. Скучал. Там вдалеке понял, ты нужна мне. Откуда идешь?

– Антон. Я ждала писем от тебя. Не дождалась. Не нужна. – Маринка пытается выглядеть веселой. – Я тут чуть замуж не выскочила. И этот, как ты, урод, сбежал. Пойду под венец за деда Тараса. Этот не убежит. Ноги плохо ходят.

– Дурочка ты моя. Не ходи за Тараса. За меня выходи. Люблю. И бегать не стану. Пусть лучше ноги отсохнут. Возле тебя буду. Прости. Люблю. – Целует.

И плывет земля. Оставлены обиды. Он рядом. Нашелся, дорогая утрата. И солнце из-за туч.

– Маринка, я только вчера вечером вернулся со своих северов. Мать вот в магазин послала. И чудо, тебя встретил. Идем со мной в магазин. Я тебя никуда не отпущу. Еще потеряешься.

Вошли в магазин. Бабы, кто товар берет, кто просто соседей обсуждает. Антон влетел в магазин и крикнул с порога:

– Смотрите, кого привел. Это моя невеста. Марина, при всем честном народе ответь, пойдешь за меня замуж? – Затихли бабы. Антон ждет.

– Пойду, Антон.

– Бабаньки, девоньки. – Кричит одна из женщин. – Не успел вернуться, лучшую девчонку уводит. В город увезет. Как пить дать, увезет.

– Я ее хоть на край света. На всю жизнь с ней. Клава, ты все за прилавком? У нас праздник сегодня. Клади мне, что себе б взяла.

– Прав ты, Артем. – Мысли Марины вернулись в коридор гостиницы. – Я и не думала, не верила, что он вернется. И под венец позовет. Я такая счастливая. Просто от счастья дура.

– Поздравляю. Пусть счастье не отпускает тебя из объятий. Но кипятка все же налей.

– Ой! Я о нем совсем забыла. Сейчас налью.

С банкой, обжигающей руки, как перья жар-птицы Артем возвращался в свой номер.

Дело хорошее сладилось. Двое нашли друг друга. Хоть и ни при чем он, а радостно. Будет и у него сказка. Три хороших дела сделаешь, спадет с личины медвежья морда. Для этого стоит жить.

Наутро Матвей и Артем собрались в дорогу. Господа искать. Куда идти, не ведомо. Не заблудятся. Как говорит старик: Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его.

На пути правды – жизнь, и на стезе ее нет смерти.

Глава 4. На стезе ее нет смерти

Крыла облаков расступились. Излился на землю свет. Дорога приняла путников. Ведет их в иные земли. Чудные люди. Она, дорога, лежит себе и лежит. И они б лежали в своем доме на печи. Так нейметса. Идут куда-то. Земли далекие им подавай. Суета сует.

Артем беспокойная душа. Куда идти разницы нет, а хочется знать о цели.

– Матвей, сейчас то куда идем? Ведет Он нас, это понятно. Но и нам не грех Ему подсобить. Дорогу выбрать. – Опускает взгляд на свои изрядно поношенные туфли. Ладонью руки указывает на беспросветность дорог.

– Откуда я знаю, Артем. Все пути для нас одинаковы. – Нет смирения в голосе. Пути одинаковы, а выбор будет сделан.

– Давай, поймаем попутку. Мы так всю обувь истопчем. Дальше босиком придется идти. – И снова с жалостью и тоской глядит на свою обувь.

– Ты ног не жалеи. Босыми придем, в рубище. Примет Он нас. – Уверенность. Бесконечная сила веры. Старик не падает духом.

– Э, дед. Пред светлый лик начальства в таком непотребстве предстать. Скажет, с какого болота эти две кикиморы вылезли. Нос от нас отворотит. Пред начальством вид следует иметь дурашливый. Начальство есть глазами. Царь Петр так говорил. А он дело знал. – Бодро шагает. Словно солдат потешного полка перед царем.

– Что за забота. У тебя завсегда дурашливый вид. Хоть как прикидывайся. Всякий отметит: дурак ростом с оглоблю стоит. Вымахал большим, а ума не нажил. – Ворчит Матвей.

– Забот меньше. Ум – мечта дурака. Человеку удача нужна. Фарт. Так поедем, Матвей? До Омска. Нам все едино, где искать. Оттуда самолетом можем на юг податься. Хорошо сейчас на юге. Я бы на Его месте там и устроился. – Артем просто болтал. Особо об юге не думал.

– Поедем. Блаженненький ты у меня. Это когда ума своего не хватает. Устами блаженных с нами и говорит Господь. На юг отправимся, недоумок. – Старик хитро улыбается. Бранится, а обиды на него нет.

Артем с Матвеем остановились на обочине. Парень машет проезжающим машинам. Грузовик пытается остановить. Водитель легковой денег много попросит. Вот и остановился грузовичок.

– Шеф, до Омска подвезешь? Со мной старик. Не видит он ничего. Ему тяжело идти.

– Садитесь. Чего уж там. Довезу. – Видать и вправду есть Бог. Не оставил на дороге.

Завертелись колеса. Дорога побежала вперед. Хорошо в кабине. Сидишь, а деревья и столбы мимо торопятся.

– В Омск то зачем? – Завел разговор Сашка, водитель. – По врачам? Там врачи хорошие. На глаза операции делают.

– От Омска, – ответил Артем, – мы дальше поедем. На юг. Там есть один хороший врач. Нам бы к нему попасть. – Врач, думал Артем, самый лучший, если верить Новому завету. Лечил всех, а они на него донесли. Сдали совету «лекарей». Синедрион, кажется, назывался. Наши больные тоже не прочь донос настроить.

– Дело хорошее. Многие в Германию ездят или в Израиль. Там медицина еще лучше. И мне когда придется о докторах думать. У водителей часто с поясницей бывает плохо. Издержки профессии. Наши мужики, что постарше, говорят, ты, Сашка, по молодости не чувствуешь. Время придет, всякими мазями будешь спасаться.

– До старости, как молодой, будешь бегать. – Откликнулся Матвей. – Минуют тебя боли в спине.

– Хорошо бы. Мне жена зимой в спину сок редьки втирала. Заботится. У мужика спина, особо в постели, большая помощница. Ты к жене со всей любовью, а тут радикулит и прихватит.

Так и болтали они всю дорогу. Сашка довез их до железнодорожного вокзала.

– Тут вы, мужики, сами решайте, каким поездом ехать. Бывайте. – И уехал.

Вокзал. Люди приезжают и уезжают. Полны своих тревог, радостей, ожиданий.

– Как, Матвей, пойдем искать гостиницу? – Артем слышит, диктор объявляет отправку очередного состава. – На тихом полустанке сойду через десять минут. Поезд умчится с тобой. А искры, вылетая из топки паровоза, гаснут у столбов. В глазах твоих тревожных вспыхивают слезы, а губы шепчут: что мне делать без тебя.

Чуть покривились губы, дернулось лицо. Срывается голос.

– Любишь. Ты мне сейчас мокроту разведешь. Возьми себя в руки, парень.

– Любил. Поздно слезы лить. Не для меня журчат ручьи, звеня алмазными струями. Там дева с черными бровями. Она растет не для меня.

– Артем, рано себя хоронишь. Все у тебя будет. И встретишь свою красавицу. Другую. Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа. Кто изгоняет добрую жену, тот изгоняет счастье, а содержащий прелюбодейку – безумен и нечестив. Ты не гнал ее, сама ушла. Не жалею о том. Найдется еще добрая жена. И войдет счастье в дом твой. А сейчас пойдем. Дел у нас еще много. После будешь, как красна девка кукситься. Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на облака, тому не жать.

– Пойдем. Спросим у людей, где найти гостиницу. Остановимся там. Потом подумаем о билетах, чтоб на юг уехать. – Артем сбросил с себя печаль. Надо и о дне сегодняшнем думать.

– Вот и ладно. Передохнем денек. Нас никто не гонит, никто не торопит. – По голосу Матвей чувствует, спутник его одолел в себе боль дня текущего.

О гостинице пришлось спрашивать нескольких человек. Многие не знают. Оно и понятно, в своих домах живут. Им не нужны постоянные дворы. Наконец, один мужчина припомнил, рядом с его домом есть небольшая гостиница. Как доехать подсказал. Добрались. Гостиница «Аура». Синее здание с кирпичной кладкой у фундамента. Сняли номер, из тех что были свободны. Двухместный, но кровать одна. Другого не нашлось.

– Что ж, Матвей, как-нибудь уляжемся. Нам, надеюсь, недолго тут куковать. – И хуже бывает, разумно решил Артем. Хоть крыша над головой. Оно и весна, а ночи еще холодные.

Поднялись в номер. Не чета сельским. Красивое покрывало на кровати. Коричневые до пола шторы на окне. Кресла, стулья, стол. Душевая кабина. Благодать. Телевизор. И работает хорошо. Несколько программ принимает. Динамик не хрипит. Тут можно задержаться.

– Передохнем, Артем, после пойдем поедим. О билетах бы справиться. – Матвей не торопится, но и медлить не хочет.

– Так и сделаем, Матвей. С обеда пойдем в регистратуре гостиницы спросим. Они могут билеты заказывать. Не сразу улетим, возможно. Сейчас сезон отпусков начинается. Многие летят погреться на солнышке.

– Мы не многие, мы по делу едем. Отыщутся для нас билеты. – Самоуверенный старик. Вбил себе в голову, о нем Господь позаботится.

На улице вечерело. Надо отыскать кафе поблизости. И не дорогое. В магазин зайти, купить еду для позднего ужина. Жива в Артеме привычка поздним вечером заглянуть в холодильник. Перекусить перед сном. Многолюдно на улице. Большой город это вам не деревня. Машины заполонили дороги. Толчется народ на тротуарах. Перекрестки, светофоры. Давно Артем не был в городе. Тюремный двор для прогулок. Путь до цеха подневольной работы. А тут весна и свобода. Есть от чего голове закружиться.

В нескольких кварталах от гостиницы нашли кафе. Вошли, сели за столик. Артем решил описать Матвею обстановку.

– Тут уютно, Матвей. На столе чистая скатерть. Салфетки, специи. Половина столиков занята. Значит, готовят здесь хорошо. Народ не пойдет абы куда.

Подошел официант. Парень лет двадцати пяти. Форменный костюм, фартук.

– Добрый вечер, господа. Что будете заказывать? – Подает меню. Пытается сунуть меню Матвею.

– Ему не надо, молодой человек. Он не зрячий. Я сделаю заказ. – Пояснил Артем.

– Простите. Я не знал. – Оправдывается официант.

– Ничего. Я привык. Уже несколько лет живу во мраке. – Матвей улыбнулся. Слепоту свою не проклинает.

Артем просматривает меню.

– Что будем заказывать, Матвей? Чего твоя душа желает?

– Сам выбирай. Я буду что и ты. – Дано не ласкает его взор красиво выложенная еда.

– Тогда, салат. Греческий. Что в него положили?

– Овощи. Огурцы, помидоры, сладкий перец, зелень. Сыр, конечно. Все с оливковым маслом.

– Берем. Суп-лапша куриный. Хорошо. Отбивная с картофелем. Хм. Еще кофе. Это все.

– Сейчас принесу. – Официант отошел.

– Хоть поедим по человечески. – Брюзжит Матвей. – Надоела мне твоя семга на ломте батона.

– Моя семга?! Совесть имей. Это ты ее возжелал. А твой Господь сдуру завез ее в сельмаг.

– Не ропщи. Ложкой бы тебе по лбу за бранные слова.

– Ладно, не станем браниться, Матвей. Как ты говоришь, стол – это длань Господня.

И ругаться здесь не будем. – Что понапрасну ругаться с дедом.

Скоро принесли салаты. Потом все остальное.

– Слушай, дед, – Матвей улыбается в ответ. Знает, приятель сейчас глумится и насмехаться станет. Это от сытости его поперло. Дурной мальчишка. – Ты искренне веришь. За стол садишься, а благодарственной молитвы не возносишь. Гресишь. И так раза три в день. Ты так грехов, как собака блох нахватаешься.

– Молитва от души должна идти. Нет надобности, ее голосить. Душа ее произносит. Что толку, если ее слышат всякие охальники, вроде тебя. Это дело сугубо личное.

– Ой! Отговариваешься, Матвей. Почуял еду и забыл о святом. Так и скажи.

– Не озорничай. И в грех меня не вводи. Тарелкой промеж глаз шваркну, будет тебе благодарственная молитва. – Смеется старый.

С едой закончено. Подошел официант за расчетом. Матвей достал банковскую карту.

– Вот, возьмите с нас.

По дороге зашли в магазин. Купили на вечер продуктов. Брали с расчетом не только на вечер, но и на утро. Может, и в дороге пригодится.

Хорошо живется на свете, если пища насытила твое тело. И в доме надежном ждет тебя теплая постель. Шум улицы наполняет радостью сердца. Идут не спеша. Вечер выдался теплый. Зажглись ранние фонари. Полумрак накинуд на плечи накидку покоя. Весенний воздух чуть горчит от выхлопов автомобилей. Хорошо прошел день.

– Артемка, посидим где-нибудь. На улице хорошо. В номере сидеть успеем. Перед сном полезно погулять, воздухом подышать.

– Не возражаю. Тут недалеко есть скверик. Там и скамейка найдется. Посидим. Я сигарету выкурю.

Прямоугольный пятачок огорожен подстриженным кустарником. Зеленая травка вдоль кустов по внутреннему периметру. Посредине сквера цветочная клумба. Цветы еще не распустились. Только тянутся к свету.

Оседлали они скамейку. Артем достал сигарету, закурил.

– Артем, а на юге куда пойдём? Я тут подумал, хорошо бы к морю выйти. В широкой воде поплескаться. Мы с женой почти каждый год ездили к морю. Отдыхать. Много мест по побережью объездили. Я подростком книги разные читал. Дети капитана Гранта. Остров сокровищ.

Как все дети. Мечтал, вырасту, стану моряком. Всякие страны повидаю. Не получилось. Стал электриком. Электротехнический закончил. Проектировал сети. На их строительстве работал. Из дома часто уезжал и надолго. Не дальние это страны. Мы сети электропередач строили. Все больше тайга и болота. Однажды в Африку хотел поехать по вербовке. Жена отговорила. Правильно сделала. А ты кем работал, Артем?

– Я радиофак закончил. Увлёкся компьютерами, контрольно-измерительными приборами. Системами управления движения поездов. Охранной сигнализацией. Мы такие штуки делали, мама не горюй. Те, что крупные фирмы выпускают, имеют свой недостаток. Это поточное производство. Мы в своих изделиях в каждой партии новые модули ставили. Программированием занимался. Тут тоже я в программный код свои хитрые штуки ставил. Я их волчьими ямами называл. При взломе можно в такую яму угодить. После ничего не сделаешь. У нас в стране хорошо наш товар пошел. Потом за рубеж стали продавать. Высокая надежность и низкая цена. Потекли денежки. Николай, мой компаньон, и решил все под себя загрести.

– Бывает такое у людей алчных. Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло. Ты свое наверстаешь. Если в тебя талант, так снова поднимешься.

За беседой они не обратили внимания на трех парней. Те подошли к ним. Двое, один возле Матвея, другой возле Артема сели. Третий позади скамейки встал.

– Что мужики сидим? Деньги есть? – Парень приставил нож к боку Артема. – Поделиться надо.

– Сами бедствуем. На одну пенсию моего слепого деда живем. – Артем вспомнил, видел этих парней в магазине. Те заметили покупателей при деньгах. Решили обобрать.

– Деньги давай, сирота казанская. – Парень тычет ножом в бок Артема.

– Сейчас, достану. Последнее отнимаешь. Как мы со стариком жить будем.

– Работать иди. Проживешь. – Сам грабитель работать не очень хотел.

Артем полез во внутренний карман куртки. Но резко локтем руки, что как бы лез в карман, ударил грабителя по лицу. Перекинулся через деда. Второму парню ударил в челюсть кулаком. Третий, что стоял за скамейкой, бросился в драку. Удар в живот, обеими руками по загривку согнувшемуся вору. Тот упал. Первый грабитель с окровавленным лицом (кровь текла из сломанного носа) бросился на Артема с ножом. За плечами Артема была спортивная школа. И на зоне кое-чему научили. Перехватил руку, ударил ее через колено. Хруст кости, крик боли.

– Дед, мотаем отсюда, пока полиция не появилась. – Взял Матвея под руку, и спешно они вышли на улицу. Быстрее добраться до гостиницы.

– Ох, уж эта полиция. Когда надо, не видно. А себя оборонил, так в каталажку посадят. – Ворчал дед, перебирая ногами. Не просто шагать в вечной тьме.

До гостиницы добрались без происшествий. Матвей пытается отдышаться.

– Вот поспешил, теперь, девонька, – это он женщине в регистратуре говорит, – отдышаться не могу. Стар стал. Хорошо, хоть внучек со мной. Дорогу слепому укажет.

Взяли ключ и поднялись в номер.

– Как ты отделался от бандитов, Артемка? Я ж не вижу.

– По мордам настучал. Не ждать же помощи Отца Небесного. – Артем немного зол. На Бога. Нет Его, а все равно хочется подмоги в такой час.

– Так Он тебя сподобил на битву. Дал силу рукам твоим и телу. – Есть у Матвея объяснение.

– Лучше б бандитов отвел. На битву сподобил. А до того в тюрьму сподобил. Милосердие аж фонтаном хлещет. И страна наша дерьмо. Ходят всякие выродки по улицам. Готовы слепого обобрать. Менты кругом продажные. Казнокрады царствуют. – Накипело у Артема. – И Бог твой взяточник. Олигарх свечку поставит, на храм пожертвует. И списаны грехи.

– Суров ты, Артем. Нет зла во Всевышнем. Страна? А в ней чего? Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна.

– А, чего там. Рыба тухнет с головы. И бессмысленно тухлую рыбу чистить с хвоста.

– Обижен ты на всех, Артем. Не праведно судишь. Господь пред тобой виновен, начальники не праведны. Не то судишь.

– Пред людьми я виновен, перед Богом я чист. Достали все. Хоть в тайгу беги. Не видеть бы всех этих паскудников.

– От себя не убежишь. Разве в могилу. Если бы я и ожидать стал, то преисподняя – дом мой; во тьме постелю я постель мою; гробу скажу: ты отец мой, червю: ты мать моя и сестра моя. Где же после этого надежда моя? И, ожидаемое мною, кто увидит? В преисподнюю сойдет она и будет покоиться со мною в прахе. Нет в тебе терпения. Вот и мечется душа. Дел требует. Пойди билеты закажи.

Артем спустился вниз. Полиция кругом шастает. Так, эти калеки настучали. Возьмут меня сейчас. Виду не подавать.

– Девушка, что тут случилось? – Может она пояснит. Глаза на мокром месте. Не по нему рыдает.

– Ой, беда. Постоялец в номере с собой покончил. Дядька такой представительный был. – Носом хлюпает. Вчера вселился. Вежливый.

Снова слезы. Чего ждать от баб. Им бы мокроту разводить.

– Убили его. Двое входили. Горло перерезали. – Сам Артем и не знал, откуда такие слова пришли. – Мне бы билеты заказать. На юг с дедом поедем.

Арефьев, следователь убийного отдела услышал.

– Ты, парень, откуда знаешь? Кто такой. Я следователь особого отдела. Арефьев. Документы предъяви, гражданин.

Вот и все встало на круги свои. Гражданин. Как краткое свидание со свободой.

– Чего начальник? Я свое отсидел. Деда везу на юг. Он слепой. Без меня не доберется. А жмурика твоего двое убили.

– Ты их видел?

– Нет. Мы с дедом обедать ходили в кафе. Поели, пошли назад. Старик мой на лавочке захотел посидеть. Сколько сидели не скажу. Потом пошли дальше. Тут Матвеем засвербело. Быстрее пойдём. Слепому и тихонько не просто идти. А тут быстро. Пришли сюда, дед еще сидел, отдышаться ему надо. Поднялись к себе. Я спустился билеты на самолет заказать.

– С самолетом придется подождать. Ты у нас главный подозреваемый. Ночь проведешь в изоляторе.

– Не могу. У меня дед. Как его оставлю. Вы тут сами разбирайтесь, а я пойду. – Сказал и в номере своем оказался.

Сидит в кресле. Матвей недалеко сидит. Чудно все.

– Матвей, полиция в гостинице. Мужика тут недавно убили. А я, словно, наяву все видел. Арестуют они меня. Подозревать больше некого.

– Не арестуют. Подавятся. В тебе дар прорезался. Он так решил. Видишь, чему не был свидетелем. Вольною птицей летишь, куда хочешь. Нет запоров, что остановят тебя. Из любой темницы выйдешь.

– О чудесах говоришь, Матвей. Откуда им взяться? Я же неверующий. – Артем растерялся.

– Дурной ты, парень. Ты в Него не веришь, так Он поверил в тебя. Ты Его не обманешь, не подведешь. И посему даровал тебе силу. Ты ее держись. Она и приведет тебя к вере.

С глаз майора Арефьева пелена спала.

– А задержанный, задержанный где?

– Так он к себе поднялся. – Девушка за стойкой моргает ресницами. – Встал и пошел. Не держать же мне его.

– Какой номер? Номер у него какой?

– Двести шестой. С дедом я их туда поселила.

– Быстро наверх. Брать будем. – Все бросились наверх. Вломились в открытый номер.

– Руки, руки вверх! – Майор наставил пистолет на Артема.

– Чего вы ополчились на моего внучонка? Ничего он вам не сделал. – Матвей обернулся на голос Арефьева. – Дар у него. Видит, что иным не видно. Прозрение. Не слышал, башка твоя дурья. Прозрением он награжден.

– Помолчи, дед. Я с твоим внуком хочу поговорить. – Майор убрал пистолет. Сел на стул.

– Так у тебя прозрение? Рассказывай, что видел. – Сверлит взглядом парня. Все они прикидываются. Прозрение наступает, когда добровольное признание пишут. Не хочется мотать полный срок.

– Ты им все Расскажи, Артем. На то дозволение Божье. Сын мой! внимай мудрости моей, и приклони ухо твое к разуму моему. Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя. Глаза твои пусть прямо смотрят, и ресницы твои да направлены будут прямо перед тобою. Путь же беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнутся. Не вступай на стезю нечестивых и не ходи по пути злых, оставь его, не ходи по нему, уклонись от него и пройди мимо. Потому, что они не заснут, если не сделают зла. Пропадает сон у них, если они не доведут кого до падения, ибо они едят хлеб беззакония и пьют вино хищения. Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. А ныне эти люди нуждаются в твоей помощи. Используй свой дар для этих, обделенных милостью Господней. Дай им, что просят. Человек, виновный в пролитии человеческой крови, будет бегать до могилы, чтобы кто не схватил его. Даруй несведущим знание.

– Во, дед чешет, как по писанному. – Не удержался лейтенант Махнев.

– То Святое писание. Его реку для поросли несмышленной. Открой Библию, найдешь там мудрость.

– Лейтенант, не обижай деда. Не зрячий я, а вижу дальше других. Артем, Расскажи, что видел. – Увещевает старик.

– Не видел я этого. Сейчас в видениях перед глазами. Двое их было. Вошли через черный ход. Мужик мусор выносил. До контейнера метров десять. Не оборачивался. Эти двое и зашли. Недолго они ждали. Знали, когда мусор станут выносить. Поднялись сразу на этаж. Коридорная на них внимания не обратила. Жильцы пришли. Отмычкой открыли дверь. Вошли. Хозяин сидел в кресле. Смотрел телевизор. У него неважно со слухом. Включил громко. Тут они его и схватили. Тот, что постарше, ножом по горлу. Обыскали номер. Мешочек взяли. Там камни. Ушли через парадный вход. Камеры только со спины могут снять.

– Ты можешь помочь с фотороботом? Видел их лица? – Майор не верит в такую удачу.

– Могу. Они еще на джипе уехали. Поселок какой-то. Там элитные дома. Улицу не видел. Но номер дома знаю. Сорок два, большие цифры на воротах.

– С нами проедешь. Фоторобот составить. А к деду мы тебя доведем обратно.

И верит Арефьев парню и не верит. Экстрасенс. Такое и не пригрезится.

– Глаза не те. В них был прищур. Теперь похож. Нос поправь. Горбинка была.

Артем рисовал лица убийц. Видел их.

– Скажи, Артем, давно у тебя этот дар прорезался? – Арефьев не встречался с людьми, что могут описать преступников, даже не увидев их. Видел, только говорить не хочет. Может, он их подельник. Одумался, решил сдать. Не хочет быть соучастником.

– Недавно. Сказал бы, нынче появился этот дар. Прежде ничего подобного со мной не случалось. – Артем и сам удивляется своей новой способности. Чуть передернул плечами. Откуда ему знать, просто раньше не замечал.

– И я раньше такого не видел. А ты, лейтенант? – Арефьев ехидно улыбнулся. Надо расколоть этого провидца.

– Нет, не встречал. – Лейтенант думал, подозрительный этот бывший заключенный. Вышел с зоны и прозрел.

– Что еще можешь рассказать о своих подельниках, парень? – Какие могут быть сомнения. Преступник, ясно. – Откуда ехал убиенный? К кому?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.